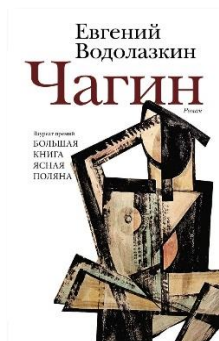

Дайджест содержит отрывки из книг:

с. 2-19

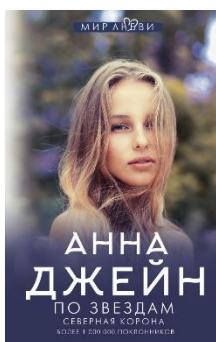
с. 20-34

с. 35-44

с. 45-65

с. 66-76

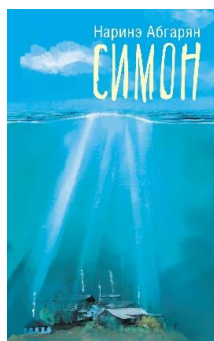
с. 77-90

с. 91-111

с. 112-129

с. 130-141

Евгений
Водолазкин
Чагин

Роман

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ
КНИГА
ЯСНАЯ
ПОЛЯНА

Когда-то Исидор Чагин был знаменит. Его удивительная память вызывала восхищение. Иногда — сомнение: не являлись ли опыты с его участием результатом тщательно подготовленной манипуляции? Не верилось, что человек способен запомнить текст любой сложности и хранить его в голове как угодно долго. Потом выдающегося мнемониста забыли — что звучит почти скандально. Многие свидетели его славы уже в могиле, а те, что живы, поглощены противостоянием неизбежному.

Недавний всплеск интереса к покойному связан с исчезновением его Дневника. В полицейском протоколе событие четко определено как кража со взломом. В ходе следствия мне («Вы были последним, кто работал с Дневником») пришлось ответить на множество вопросов, но выяснить судьбу рукописи не удалось.

Да, я был последним, кто работал с Дневником. Скажу больше: был также первым и единственным. Когда я объявил, что собираюсь написать о моей работе, кто-то сказал, что это мой долг. Потом еще кто-то: банальности произносятся многократно. Я не люблю слова *долг*. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр. Это не случай Чагина, и двигало мной не чувство долга. Какое-то другое, не столь могучее, чувство.

Изучая эту жизнь, необычную и по-своему трагическую, я стал смотреть на нее изнутри. Кое-что из Дневника я успел выписать, но в основном — запомнил. Всё это легло в основу моих заметок. Бумага — большое подспорье для памяти, потому что всякий, кто запоминает, имеет и свойство забывать. За исключением, может быть, Чагина, который ничего не забывал.

Исидор Чагин, архивист (1940–2018).

Табличку для могильного креста заказывал я. По-моему, достойный текст — информативно и лаконично. О покойном, понятное дело, можно было сказать и больше. Можно было и фотографию поместить. Некоторые так и делают, но в этом, я считаю, нет необходимости. Имя, фамилия, род занятий, годы жизни — вполне достаточно. Избыточность вредит.

Уход его прошел незамеченным, как то и подобает архивисту. Сам сотрудник архива, говорю это без тени иронии. Всякому роду занятий — своя жизнь

и своя смерть. Я бы тоже хотел умереть незаметно — уронив голову на какое-нибудь архивное дело, под включенной лампой с круглым зеленым абажуром...

После отпевания в Князь-Владимирском соборе (оно прошло в узком кругу) гроб привезли на кладбище. Гражданская панихида, вопреки обыкновению, проходила не в Архиве — там делали ремонт. Вместо изысканных архивных интерьеров с Чагиным прощались в кладбищенском ритуальном зале. Бетонные, пораженные грибком стены, потрескавшиеся плитки пола. Простуженный голос сотрудницы похоронной службы, бледной усталой женщины с носовым платком в кулаке.

Зачитывая некролог, она запнулась. Бросила взгляд в свою бумагу, потом на Исидора и не очень уверенно сказала, что руки покойного пахнут просоленными морскими канатами. Многие заулыбались, поскольку никаких канатов в жизни Исидора не было. Он, вообще говоря, казался ходячей скрепкой.

Позднее сотрудница, читавшая некролог, подошла к директору Архива и попросила извинить ее за недоразумение с канатами. Этот фрагмент попал в ее выступление из файла о моряке. В правильном тексте сообщалось, что руки Исидора пахли пылью веков. Директор добродушно похлопал ее по плечу. В конце концов, моряков в Петербурге не меньше, чем архивистов. Да и какая разница, чем пахли руки покойника? Кто там будет приноживаться...

Когда выходили из ритуального зала, начался дождь. Крупные капли били по зонтикам и по крышке гроба. Распорядительница отметила, что по усоп-

шему плачет сама природа, но на это никто не отозвался. Всем было очевидно, что природа плакала по каким-то своим причинам. Из-за дождя гроб закапывали быстро, и мокрые лопаты могильщиков мелькали, как в ускоренной съемке. Через четверть часа все уже спешили к автобусу.

У ворот кладбища директор догнал меня и взял под руку.

— От Чагина нам достался солидный архив. Там много всего, но главное, говорят, Дневник. Учитываю особенности Исидора Пантелеевича, думаю, небезынтересный.

— Архив архивиста, — пробормотал я. — Архивесело.

— У вас, Мещерский, хорошее чувство юмора. Бесценное качество для архивного работника.

Сдержанно поклонившись, я было пропустил его вперед — догадывался, к чему он клонит. Но директор сжал мой локоть, и мы остановились прямо в воротах.

— Займетесь архивом Чагина?

Я не спешил с ответом, а директор меня не торопил. Он задумчиво рассматривал объявление на воротах. За нашими спинами толпились коллеги, но, несмотря на дождь, никто нас не обгонял. Что значит быть начальником...

— Расписание работы кладбища, — медленно прочел директор. — Я бы добавил: к сведению покойников.

Он обернулся ко мне:

— Ну что, займетесь?

— Трудно, Аскольд Романович, отказать в такой просьбе на кладбище, — ответил я.

Это был ответ, полный достоинства, поскольку согласие соединялось в нем с возможностью отказа. Пусть даже этой возможностью я и не воспользовался.

Директор вручил мне ключи от квартиры Чагина, чтобы предварительную работу с материалами я произвел на месте.

— Руки покойного пахнут пылью веков — в этом что-то есть, — директор засмеялся. — Проследите, чтобы на моих похоронах сказали именно так.

Я изобразил легкий ужас: разве директор может умереть?

На самом деле руки Исидора пахли дегтярным мылом. Все знали, что он моет их после каждого рукопожатия. Кроме того, от него пахло чесноком. Этот запах исходил не только изо рта Чагина, но выделялся каждой порой его кожи. Мылом и чесноком пожилой сотрудник защищал себя от вредоносных микроорганизмов. В конце концов, в зрелом возрасте каждый имеет право на причуды.

Чагин ушел на пенсию года два назад — по собственному желанию. Если бы он хотел, мог бы спокойно работать и дальше: его ценили. Но Исидор, очевидно, хотел другого. Может быть, отдыха. Или даже путешествий — умер он, как выяснилось, в Тотьме, маленьком северном городе.

В течение многих лет Чагин являлся на службу в одно и то же время и, как мне казалось, в одном и том же виде. Надо думать, одежду Чагин менял, но каждая смена повторяла предыдущую. В любое

время года он ходил в темно-сером костюме и такой же рубашке. Серым был и его галстук, который не сразу опознавался, потому что сливался с рубашкой. Осенью и весной Чагин носил болоньевый плащ цвета мокрого асфальта, а зимой — темно-серое пальто с цигейковым воротником. Когда вышел роман «Пятьдесят оттенков серого», я подумал, что так могла бы называться и книга об Исидоре.

Замечу, что Чагин радовал не только глаз, но и ухо: он говорил скрипучим бесцветным голосом, довершавшим его особенный облик. Однажды я (мальчишка, нахал) сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного зонта, и он молча кивнул. Я подумал было, что он обиделся, но через несколько дней Чагин пришел именно с таким зонтом — и больше с ним не расставался. В погожие дни он использовал его в качестве трости.

Особый чагинский стиль я никогда не считал стилизацией, но сейчас, спустя годы, понимаю, что оттенков серого могло быть и поменьше. Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку — если угодно, зонтик, — которая защищала его от внешних воздействий. Чагин ценил свое одиночество и делал всё, чтобы оно не нарушалось.

Между тем Исидор не всегда был таким. Проматривая книги по истории архивного дела, мы, его сотрудники, время от времени натывались на немыслимые снимки. Молодой человек в белых широких штанах и светлой сетчатой тенниске. После каждого такого открытия под изумленный шепот

книга переходила из рук в руки: неужели это Исидор? Да, это был именно он — весь в белом, без запаха чеснока. Фотографии (за исключением разве что очень хороших) не передают запахов, но одежда, прическа, а главное — взгляд Исидора — такой запах исключали.

В другой журнальной публикации — фото Чагина в длинном кашемировом пальто. На шее — светлый шарф, свернувшийся двумя небрежными кольцами. Сходство шарфа с удавом так очевидно, что переводит фотографию в разряд экзотических. В еще большей степени это делает широкополая шляпа. Киплинг. Гумилев. Чагин.

Но самое удивительное в снимке — это прилипшая к углу Исидорова рта папироса. Исидор и папироса — о, боги... Появление папиросы объяснял помещенный на той же странице журнала причудливый текст. Исидор вспоминал фокус, который показывал в юности.

Затягивался. Задерживал дым. Говорил за двоих:

— Солдат, куришь?

— Курю.

— Трубка есть?

— Есть.

— Плюнь.

Плевал.

— Дунь.

Дул.

— Выпусти дым.

Только после этого выпускал весь дым — он, наш Исидор.

Наконец, все мы знали об удивительном мнемоническом даре Чагина. Старые журналы опи-

сывали, как наш коллега запоминал колонки в сот-ни цифр и воспроизводил их без единой ошибки. Как, ознакомившись с любым текстом, готов был повторить его сейчас же, и через месяц, и через пять лет.

Несколько раз мы просили его продемонстриро-вать свои способности, но Исидор отказывался — кроме одного раза, лет семь назад, когда я только начинал работать в Архиве. Да, мы как раз отмечали мое поступление на работу. И к нам неожиданно присоединился Чагин. Стояла ранняя весна, и в от-крытую форточку вливался сырой питерский воз-дух. Он не был еще теплым, но уже ощущалось в нем что-то незимнее, пьянящее.

Возможно, этот воздух опьянил и Исидора — настолько, что он даже произнес тост. Слов его я не помню — не думаю, что они были очень яркими. Когда все выпили, Чагин вдруг предложил дать ему любой текст для запоминания.

На одном из столов лежал статистический отчет по Смоленской губернии за 1912 год. Мнемонист предложил присутствующим выбрать страницу и знакомился с ней в течение тридцати секунд. По-том передал книгу соседу по столу — и повторил всю смоленскую статистику. Последнее слово пере-носилось на следующую страницу, и в исполнении Исидора прозвучал лишь первый его слог.

В наступившей тишине было слышно, как от по-рывов ветра на столах трепетали бумаги. Трепетали и молодые коллеги Чагина, ничего подобного не видевшие. Слабо пахло дегтярным мылом, и для всех это был запах тайны. Вскоре Исидор попрощался и ушел. Больше подобные эксперименты не

повторялись, да иначе и быть не могло, потому что тайна не должна становиться повседневностью.

Однажды я услышал, что свой удивительный дар Исидор в конце жизни потерял. И тогда мне вспомнилось, что уже тем весенним вечером перед лицом смоленской статистики он обнаружил некоторую неуверенность. В памяти это осталось только потому, что за моей спиной кто-то прошептал, что Акела промахнулся. Да, Чагин действительно допустил ошибку. Говорю *я* (ха-ха!), который не способен запомнить даже трехзначного номера автобуса.

Через день после похорон я сидел в Исидоровой квартире на Пушкинской улице. Мансарда в бывшем доходном доме. Я в гостях у Исидора — возможно ли это? Оказалось, возможно. После его смерти.

В комнате Чагина стеллажи занимали три стены из четырех. Четвертая, внешняя — это, собственно, полстены: на уровне груди она переходила в скошенный потолок с врезанным в него окном. На стеллажах стояли книги и коробки, преимущественно из-под обуви фабрики «Скороход». Сама комната тоже напоминала коробку — такая же маленькая и невыразительная.

Прихожей не было: входная дверь одновременно служила дверью в комнату. Справа от входа была еще одна дверь. Казалась вырубленной среди стеллажей. Вела к крошечным туалету и ванной. Кухня тоже отсутствовала. Ее (по мере возможности) представляла двухконфорочная электроплитка

на высокой табуретке с прильнувшим к ней обеденным столом. Который служил одновременно и письменным. Несколько тарелок разных мастей и чашка держались на нем маленькой пестрой группой. Еще одна большая чашка с отбитой ручкой стояла особняком: в ней помещались ложки, вилки и нож.

Железная кровать. Я приподнял матрас, под ним — панцирная сетка. Легкое разочарование: хотелось чего-то другого. Гвоздей, допустим — как и положено аскету. Подошел к окну: ограниченный вид на Пушкинскую улицу. Проржавевший водосточный желоб закрывал половину проезжей части, зато полностью был виден Пушкин. Первый в городе памятник Пушкину. Маленький, но первый: всё начинается с малого. Представив себя Исидором, навалился грудью на подоконник, коленями почувствовал горячий чугун батареи.

Да, именно так он здесь и стоял — Исидор, светило архивного дела. Приветствовал солнце русской поэзии. Смотрел, как по дну водосточного желоба, желтого от листьев, бежит вода. Нащупывал коленями рёбра батареи. Есть на коленях точки, на которые приятно нажимать. Которые приятно обжигать. Расположены на внешних сторонах коленных суставов, отзывчивы к жару и жесткости.

Отчего-то мне кажется, что эти точки целебны, что, воздействуя на них с разной силой, можно вылечить любой орган. Ну, почти любой, уж такие это точки. Нужно будет, думалось, посвятить им публикацию. Назвать их точками Мещерского, сколотить состояние и уйти из Архива навсегда.

Стыжусь нахлынувших мечтаний. Это было бы предательством по отношению к Исидору и его ко-

робкам — даже если учесть, что точки Мещерского изменяют жизнь многих. Ладно, пусть потерпят. Пусть, я считаю, прочувствуют, каково им было без этих точек.

Открыл первую попавшуюся коробку: фотографии. Исидор на фоне Клодтовых коней — чуть ссутулившись, в руке потертый портфель.

Представил себе Исидора укрощающим коня. Портфель аккуратно положен сбоку, узловатые пальцы сомкнулись на узде. Ноги широко расставлены, голова запрокинута. Мимо проезжают «Москвичи» да «Волги», на заднем фоне, у дворца Белосельских-Белозерских — бочка с квасом...

Нет, без портфеля — это не Исидор. Одной рукой сжимает узду, а в другой все-таки держит портфель. Пусть на его могиле поставят такой памятник. Ленинградский архивист, укрощающий природные стихии.

Снимки на незнакомых улицах. В белых рамках (накладывали стеклянные прямоугольники) всюду написано: «Иркутск».

Исидор со связкой шаров на демонстрации. Первомайской, должно быть: все одеты легко, хотя и в фуражках — по моде того времени. Маленький Исидор тоже в фуражке. В том, что это май, нет никаких сомнений: на деревьях клейкие листочки. Даже сквозь черно-белую фотографию проступает их яркая зелень. Воздух полон света. И свеж — это очевидно. Мать держит Исидора за руку. Ни на одной из его детских фотографий я не увидел отца.

Коробка «Документы». Справки из иркутской детской поликлиники. Похвальные грамоты за каждый класс. Наш Исидор, похоже, ничего не выбра-

сывал, всегда был архивистом. Школьные дневники: четверки и пятерки. Имеются учительские замечания. *Болтал на уроке русского языка. Или: забыл дома пенал.* Исидор *болтал*, и уж совсем невероятно: *забыл*. Впрочем, это не помешало ему получить аттестат зрелости, которым, похоже, и заканчиваются бумаги его школьных лет.

Открыл соседнюю коробку — на внутренней стороне крышки написано: «Дневник». Знаменитый Дневник, о котором все знали и которого никто не видел. Четыре общие тетради, исписанные мелким каллиграфическим почерком. Этот почерк знаком мне по архивным описаниям. Характерная странность: буквы слегка наклонены влево. Напоминают построенные вертикально в ряд костяшки домино в минуту их цепного падения. Но буквы Исидора не падают. В своем неустойчивом положении они навеки замерли на расчерченных в клетку листах.

Записи открываются 1 января 1957 года. Исидор ведет их, не пропуская ни дня. Очевидно, он взял себе за правило (Чагин — человек правила) писать ежедневно — пусть даже по две-три строки. Но короткие записи — это, скорее, исключение. Ему всегда есть что сказать: если нет событий, Исидор описывает свои мысли и ощущения. Особенно ощущения.

Гимнастическая скамейка в спортивном зале. Распластавшись на ней, так приятно скользить. У Исидора дома нет предметов с подобными свойствами. Доски пола? Но они нечисты, и кроме того — в сучках. Здесь же — без сучка, что называется, без задоринки. Апофеоз скольжения, окончательная победа над трением. Но. Если снять тен-

нису, волшебство кончается. Голая кожа не скользит, прилипает к полированному дереву, издавая визжащий немзыкальный звук.

Характерный для покойного старомодно-канцелярский стиль: *как представляется, коль скоро, следует признать*. Слабость к церковно-славянскому: *притча во языцех, паче чаяния*.

Первая запись: «Могут спросить: для чего, обладая феноменальной памятью, ты решил вести Дневник? Отвечу так: память лишь воспроизводит события, а Дневник их осмысливает. Если подходить к делу ответственно, то писать надлежит в утренние часы, пока мозг свеж».

Еще раз скольжу по строкам глазами. 1 января ... Сколько себя помню, утром этого дня никогда мозг мой не был свеж. А парню, между прочим, семнадцать. Успел, судя по тексту, выпить чая — и пишет, подходя ответственно.

Я бы тоже выпил чая. На Исидоровом столе — электрочайник. В ящиках стола нашел пачку индийского чая и ситечко на цепочке. Берешь его за кольцо, а оно интересно качается, как какой-нибудь тебе маятник Фуко. Засыпал чай в ситечко, погрузил его в чашку и залил кипятком. Четыре тетради; сколько это, интересно, в издании — том, два? Впрочем, до публикации их надо еще изучить.

Чай продолжал насыщаться цветом. Пользуясь свободной минутой, я направился к дверям деревянной походкой Исидора. Негнущиеся ноги, руки прижаты к туловищу. Открыл дверь (как бы вошел). Строг и неподвижен, голос скрипуч.

— Извольте хозяйничать, Мещерский? Пьете чай без спроса? Что называется, ничтоже сумняшеся...

Перебежал к своему месту у стола и ответил, опустив голову:

— Скорей уж не мудрствуя лукаво, Исидор Пантелеевич... Но согласитесь, что, используя ваши запасы и листая Дневник, я в каком-то смысле пью чай вместе с вами.

Я продел палец в кольцо ситечка, и оно марионеткой запрыгало в глубинах чашки.

— Видите ли, Исидор Пантелеевич, наш директор, поручив мне заниматься вашим архивом, не озаботился снабдить меня чаем. Ну, просто забыл, понимаете? В силу занятости упустил, как говорится, этот момент из виду.

Исидор (почему-то голосом директора):

— Так ведь не упустил, Пал Сергеич. Несмотря на свою занятость, как раз таки принес.

Я поднял голову — на пороге действительно стоял директор. С чаем и овсяным печеньем в целлофане. Он бросил мне печенье, и я поймал его с хрустким звуком.

— Руки у меня теперь заняты, — сказал я, — так что чай, Аскольд Романович, пожалуйста, не бросайте.

Директор кивнул:

— В этом, строго говоря, нет необходимости. — Закрыв дверь, он положил чай на стол. — Милейшее представление — как жаль, что я вас прервал. И часто вы так?

Улыбнулся.

— Зависит от того, чьи бумаги. — Я покрутил головой, как бы демонстрируя кругозор. — От характера, так сказать, материала... Да и просто от настроения.

Освободив большую чашку от ложек и вилок, наполнил кипятком и ее. Ловким движением перебросил в нее ситечко. Мы молча ждали, пока чай заварится и в ней. Слушали, как усилившийся дождь барабанил по крыше.

Гость пил чай из чашки с ручкой, а вот мою чашку так просто было не взять. Пальцы скользили по горячей гладкой поверхности, на сколах ручки — шершавой. Мне оставалось только ждать, когда чай хоть немного остынет.

— Я всё пытался представить себе, — надкусив печенье, директор отпил чая, — как выглядело жилище этого необычного человека.

— И как же, Аскольд Романович?

Директор сделал громкий глоток и встал.

— Именно так я его себе и представлял. — Он подошел к двери. — Да, главное. Ввиду небольшой ценности этого жилья его, возможно, передадут Архиву. В качестве, ну, как бы, подсобной площади. Так что предварительный разбор бумаг можете спокойно производить здесь.

Он втянул ноздрями воздух:

— Спа-кой-на.

Когда этот энергичный человек ушел, я (вздыхнув с облегчением) растянулся на кровати поверх покрывала. Панцирная сетка скрипела при каждом движении. Я представлял, как под этот скрип проходила жизнь Исидора.

А может, скрипа и не было. Скорее всего, Исидор просто не шевелился. Лежал себе — руки вдоль тела или, допустим, сложенные на груди. Возможно, что даже и не дышал — на него это так похоже.

— Можете спа-кой-на работать здесь, — повторил я голосом директора. — Как, впрочем, и качаться на панцирной сетке — это ваше право.

Покачавшись на кровати, я встал. Ответил собеседнику прохладно:

— Я всегда спокоен, Аскольд. — Величавый отпускаящий жест. — Сегодня, Аскольд, вы мне больше не нужны.

* * *

Вернувшись вечером домой, я объявил, что переселяюсь на служебную площадь. Сказал это после ужина, поскольку проблемные заявления лучше делать после еды. Так они лучше воспринимаются. Мать уже убирала со стола посуду, отец направлялся на балкон курить, сестра Маргарита несла из своей комнаты тарелку с несъеденным пловом. Маргарита, трудный подросток, всегда ест в своей комнате. Точнее — не ест, потому что худеет.

Фраза моя прозвучала буднично, как-то даже очень спокойно, отчего впечатление только усилилось. Отец прикрыл балконную дверь, мать поставила посуду на стол, а Маргарита застыла на пороге кухни со своим пловом. Собственно, я не планировал всерьез уходить — хотел только сказать об этом. Но, сказав, подумал, что, может быть, и в самом деле уйду.

— Тебе что, с нами плохо? — спросила мать.

— Хорошо... Не хочется тратить времени на допрогу.

— Всё естественно, — сказал отец. — Парень стремится к независимости.

Ему хотелось курить, и он щелкал зажигалкой.

— Я тоже стремлюсь к независимости, — сообщила Маргарита.

— Мне двадцать девять, тебе — пятнадцать, — напомнил я сестре. — Всё, что ты можешь делать, это ужинать в своей комнате.

Маргарита замахнулась на меня тарелкой, и плов с нее плавно съехал на пол. Мать показала Маргарите на стоящий в углу веник, но та не шелохнулась.

— Птенцы покидают гнездо, — от долгого щелканья сигарета отца зажглась сама собой. — Процесс грустный, но неизбежный.

Он выпустил дым в полуприкрытую дверь балкона.

— Побереги мудрость, — сказала мать. — Лучше подумай о том, что происходит с детьми.

— Всё нормально, мам, — успокоила ее Маргарита. — Он нашел себе архивистку.

Внимательный взгляд матери.

— Правда?

— Оренбургский пуховый платок. — Маргарита зябко повела плечами. — Колечко с камеей.

— Это лучшее, что может быть, — отец сделал еще одну затяжку.

Я кивнул. С этим нельзя было не согласиться.

* * *

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

РАЗРЕЗАЮЩИЙ ЛАБИРИНТ

ЧИТАЙТЕ ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА
«БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ»!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семьдесят три года спустя

«Странная штука — терять то, что любишь. Я часто задумываюсь о потерях. Если бы я мог вернуться в прошлое, в далекие годы детства, и некое волшебное, сверхъестественное существо показало мне будущее и предоставило возможность выбора, что бы я предпочел? Если бы эта божественная сущность открыла мне две главных утраты в моей жизни и позволила избежать только одной, что бы я выбрал?

Что ты выберешь, Ньют, — сказала бы это небесное существо, — разум или друзей?

Теперь я знаю ответ:

— Какая разница?»

Книга Ньюта

Глава первая

ТРОЙСТВЕННЫЙ УЖАС

1

Александра

Александра Романов стояла на балконе своего дома на Аляске и смотрела на город, мерцающий в темноте желтыми огоньками газовых фонарей в окнах и на углах улиц. На безоблачном небе сияли звезды, пронизывающие тьму крошечными световыми копьями. Чистый прозрачный воздух обнимал ее за плечи, садился теплым невидимым туманом на волосы, на одежду и кожу. Она глубоко

вдохнула, любуясь с высоты птичьего полета тихим, безмятежным пейзажем, раскинувшимся внизу.

Ее мир. Аляска. Существовали и другие... другие миры. Остатки нации где-то на просторах Небраски. И сумасшедшие врачи в Калифорнии, которые делали вещи, не приемлемые для здравомыслящих людей. Но все это пока далеко. Аляска принадлежит Александре.

Ничего, что приходится делить ее с другими. Николас. Михаил. С Николасом и Михаилом. Она считала Аляску своим единоличным владением. Упивалась властью, словно все это принадлежало ей одной. Вероятно, когда-нибудь так и будет. А пока надо оттачивать навыки Эволюции и, возможно, исподволь ослаблять остальных, время от времени перекладывая на них груз своей ужасной цели. На террор отвечать террором. На трагедию — трагедией.

Правду говорят, беда не приходит одна. Смерти, землетрясения, торнадо часто случаются по три подряд. Она знала в жизни только один «комплект» тройняшек, но эти детишки были настоящими исчадиями ада. Александра до сих пор с содроганием вспоминала их пронзительные вопли в ночь Эволюции. Покончила с этими дикими криками не она, хотя, если честно, была как никогда к этому близка. А какое невероятное облегчение она испытала, когда наступила благословенная тишина!

С незапамятных времен известно: все страшные трагедии приходят по три. Их тоже было трое: превращенное Божество, способное мгно-

венно осмыслить слова, сказанные за всю жизнь; управляющее своими чувствами, как машина; вся эта физиология, химикалии, эндорфины; умственный потенциал вселенских масштабов, позволяющий впитывать весь свет и знание. Они эволюционировали, в этом не может быть никаких сомнений. Тем не менее Александра отлично осознавала, что превосходит остальных двоих, вместе взятых. А пока их трое.

В мозгу проносились воспоминания, все одновременно. Вспышка, ее многочисленные разновидности, настройка мозга на исправление неисправимого. Возможно, все это было неспроста — тысячелетия ужасающих троек, готовившие человеческий род к тому, что зародилось и появилось на свет ради искоренения всего этого ужаса — любыми путями, любыми средствами.

Божество.

Ей дьявольски повезло.

— Богиня Романов?

Проклятье. Она надеялась, что можно будет потянуть время. Ни минуты покоя. Отвернувшись от городских красот, она встала лицом к мужчине, назвавшему ее имя. Высокий, долговязый — ходячее дерево. Александра подсознательно удивлялась, что его суставы не трещат и не ломаются при каждом шаге.

— Что такое, Флинт?

Помощника звали иначе, ей просто хотелось называть его так. Это его... как бы принижало, и Александру это устраивало. Даже очень.

— Произошел сбой в ротации паломников.

Его голос скрипел, как несмазанная телега.

— Вот точные цифры, но к утру мы будем отставать как минимум на восемь процентов во всех районах города.

Александра внимательно изучала своего подчиненного, используя все знания, полученные при помощи Вспышки. От нее не ускользнуло ни единое движение мышц, глаз, даже самое незаметное. Главного, ради чего пришел, он так и не сказал.

— Выкладывай, Флинт. Что, черт возьми, случилось?

Он смущенно моргнул, затем испустил смиренный вздох, осознав, что темнить бесполезно, поскольку для Богини его лицо — открытая книга.

— В красивых ямах убиты семеро паломников. Это сделано... с жестокостью.

— С жестокостью?

— С чудовищной жестокостью.

Он медленно поднял планшет и папку с бумагами, как будто собираясь найти там информацию, но отказался от этой идеи и опустил руку.

— Четверо мужчин. Две женщины. Один ребенок. Мальчик. Их...

— Выпотрошили, — перебила она. — Выдолбили изнутри, не так ли?

Мужчина слегка побледнел.

— Да, Богиня. Надо сказать, сделали это мастерски. Вычистили. Ээ... внутренностей нигде не нашли. Остались только голые ребра.

— Будь он проклят, — с трудом сдерживая гнев, прошептала Александра.

Она прошла по цифрам, повторила точную математическую последовательность, которая помогала обрести душевное спокойствие, заставляя мозг выпустить необходимые химические вещества.

— Ты знаешь, где он?

Флинт отлично понимал, о ком она говорит: Александра читала по его глазам так же легко, как он — по графикам и таблицам, которые всегда носил с собой. Она знала, что у него перед глазами стоят эти несчастные жертвы — располозованные сверху донизу люди, из которых безжалостно и хладнокровно вынули их жизненную суть. Кровь, смрад, ужас... Это мог сделать и не слететь с катушек только один человек. Оба уже пришли к единственно верному заключению.

— Гм... думаю, он ушел в... — Флинт кашлянул, чувствуя неловкость, что приходится передавать столь личную информацию об одной части Божества другой.

Александра шагнула ближе и застыла, как соляной столб, затем посмотрела прямо ему в глаза, применяя технику оптического гипноза.

— Говори, где он.

Повелительная интонация довершила дело.

— Михаил ушел в Глэйд, — обреченно кивнув, произнес Флинт.

Александра пыталась подавить шок, но впервые в жизни забыла правила Вспышки. Мощная

волна гнева затмила разум, и на мгновение мир вокруг перестал существовать. Зачем? Зачем Михаил сделал это сейчас? Она с трудом удержалась от крика, выставив перед собой руку, словно голос можно было блокировать, как удар. Ярость утихла, зрение вернулось.

По щеке Флинта тянулась красная царапина: кожу разрезали ее собственные пальцы с накрашенными ногтями. Как не стыдно: нужно лучше себя контролировать.

Она посмотрела в перепуганные глаза несчастного помощника.

— Заклей пластырем, скорее. Если Михаил в Глэйде, надо спешить.

2

Айзек

Клац.

Клац.

Клац.

Айзеку часто снился этот неприятный звук — постоянное, неумолкающее, чертовски надоедливое клацанье, которое находило всевозможные способы проникать в его кошмары. Началось все с птицы — черной, растрепанной, восседавшей на деревянной изгороди, что окружала участок Фрайпана на северной стороне острова. Острый клюв существа открывался и закрывался через одинаковые промежутки времени, каждый раз издавая лязганье, напоминающее лай механической собаки.

.....

Затем оно превратилось в гигантскую машину из старого мира, о каких Айзек не раз слышал на посиделках у костра, насколько он ее себе представлял. Машина называлась бульдозером, и по какой-то необъяснимой причине она безрезультатно пыталась перепахать гору неподвижных металлических деревьев, сверкающих серебром. Неутомимый бульдозер с лязганьем пробирался вперед, выставив перед собой гигантский помятый ковш. Затем на фоне темного звездного неба вырос человек — безглазый, безволосый, с половиной носа и одним ухом. И хотя трудно было разобрать в таком тусклом свете, его кожа блестела ручейками крови, сочащейся из дюжины ран. «Ну и уродец», — подумал Айзек.

Когда мужчина хотел заговорить, с его губ сорвался лишь тот же самый звук.

Клац.

Клац.

Клац.

Горло уroda вздувалось при каждом щелчке, как будто он проглотил сливу и хотел ее выкашлять.

За его жизнь на острове Айзеку снилось больше кошмарных снов, чем можно сосчитать на пальцах рук и ног, но этот пробирал до костей. Он проснулся со сдавленным воплем, напоминающим то самое клацанье из кошмарного сна.

Хуже того, звук не прекращался. Рывками приходя в себя, он кое-как встал с кровати, прошел, будто зомби, к окну и выглянул наружу

сквозь шторы, сшитые отцом по крайней мере десять лет тому назад.

День был хмурый, над островом нависли печальные светло-серые тучи. В воздухе бесформенными ватными хлопьями висел туман. За домами на восточной стороне острова, внизу у пляжа, кто-то чертовски громко колотил гигантским молотком по раскаленному железу.

Кузница.

Айзек любил кузницу. Ее построили на берегу, чтобы постоянный приток крепкого ветра помогал поддерживать огонь. Айзек не совсем понимал, как эту штуку, что добывают в скалистых горах, превращают в расплавленный красный камень, да и какая разница? Его увлекало дальнейшее — что за этим последует. Он любил жар, сияющее в глубине багровое пламя, раскаленные добела слепящие искры. Любил запах озона и горящих углей, дым, звон металла.

Да. Он хотел стать кузнецом и обучался у Капитана Спаркса уже без малого месяца. Пока что никто, кроме него, не называл Родриго этим нелепым именем, однако Айзек поставил себе цель: к зиме прозвище должно закрепиться. Оно казалось полным глубокого смысла, и никто не мог убедить Айзека в обратном.

На сегодняшний выходной у него имелись кое-какие планы. Миоко, Доминик, Триш, Сади-на и еще несколько друзей собирались доплыть на байдарках до мыса Стоун-Пойнт, чтобы посмотреть пещеры и попрыгать со скал. Доминик не упустит возможности раздеться догола и плюх-

.....

нуться животом в воду с утеса, который называют Бровью Мертвеца, вызвав всеобщее бурное веселье. Пропустив такую тусовку, Айзек перестанет себя уважать. Кроме того, после третьего за пять лет утопленника Стоун-Пойнт находился под запретом, и Айзек еще ни разу там не бывал, что делало поход еще привлекательнее. В своем роде.

Ни один из этих убедительных доводов не уменьшил его зуд. Ровный и ритмичный, словно биение железного сердца, звон влек Айзека в кузницу с такой силой, будто его тащили на веревке. Он любил наблюдать, как работает Капитан Спаркс, и перспектива грести несколько часов, а потом плавать и прыгать со скалы вдруг показалась ему скучной и утомительной. Точно старый моряк, поддавшийся сладострастному зову сирен, — история, которую рассказал ему однажды у костра дедушка, невзирая на протесты остальных, — Айзек быстро оделся, вышел из юрты и поспешил на зов огня и расплавленного металла.

Собственная юрта. Он до сих пор к этому не привык. У него есть своя юрта, однокомнатное жилище, в каких живет большинство людей на острове, кроме безумцев, которые решили завести больше двоих детей. Прожив в собственноручно построенной юрте каких-то три месяца, Айзек все еще гордился своим достижением.

Солнце растопило туман и прогнало облака. Куда ни глянь, сновали по своим делам люди: по пути на фермы, в магазины, на мельницу,

на склад или на рыбалку. В большинстве своем они были слишком заняты, чтобы обратить внимание на юношу, чуть ли не бегущего в сторону пляжа в выходной день. Правда, ему помахал мистер Джерри — старик с гигантскими бровями, похожими на клочья гребенной шерсти, а чуть дальше подмигнула миз Ариана — безобидный жест для женщины, которая родилась на острове всего через год после Плоского перехода, одной из первых. Ее серебристо-седые волосы и морщины вокруг глаз неизменно наводили Айзека на мысль о бабушке из сказки о Красной Шапочке.

— Что за спешка, мальчик? — крикнула с газона старушка, державшая в руках местную газету, которую доставляла каждый день его подруга Садина. — Где-то пожар? Я что-то пропустила?

— Есть кое-какая работа в Кузнице, — ответил Айзек, замедляя ход, чтобы отвесить небольшой изящный поклон и помахать рукой. — А вы чем сегодня занимаетесь? Идете на свидание со стариной Фрайпаном?

Она издала победный крик.

— Пусть мечтает дальше! Этот бездельник понятия не имеет, как ухаживать за приличной женщиной!

Айзек преувеличенно громко расхохотался, взмахнул на прощанье рукой и перешел на галоп.

— Беги, мальчик! — крикнула миз Ариана. — Беги как ветер!

До чего классная старушенция!

3

Минхо

Сирота стоял прямо и неподвижно за парапетом крепостной стены — винтовка на плече, ствол направлен в затянутое облаками небо. Как и во многие другие дни за последних одиннадцать лет, он смотрел на бесконечные поля, служившие безводным рвом вокруг его родины. Эта земля давно умерла, все живое и растительность погибли, и ничто не загораживало обзор. Вокруг растянулся пустырь, голый и серый, кладбище без надгробий — безбрежное, как океан.

Имени у Сироты не было.

В тридцати футах к северу стояла такая же безымянная статуя. Плечи расправлены, голова обрита, тело обтягивает артиллерийский костюм. Буквально человек-ракета. А в тридцати шагах к югу маячил третий Сирота. Последний не стоял, а сидел на металлической башне, на орудии такой огневой мощи, что оно могло разрушить всю стену, на которой само же и покоилось. У этого Сироты тоже не было имени.

Во всяком случае, так им говорили всю жизнь. С тех пор как они родились и их забрали у матерей, заболевших Вспышкой. Сирота явно не мог этого помнить, только каким-то образом знал, что его проверяли всеми доступными способами, вдруг он тоже заражен, а потом держали на карантине пять лет, вместе с ему подобными, пока он рос, учился, тренировался. Потом снова проверки. Это он уже помнил, хотя день, когда

пришли результаты, вспоминался, как в легком тумане. Впрочем, результаты оказались отрицательными. Иначе его бы уже не было. Бросили бы в яму, как мать, и сжигали сто дней.

Хотя у Сироты не было имени, его звали Минхо. Конечно, он не мог сказать об этом ни одной живой душе. Ни разу в жизни никто не назвал его Минхо. Если Несущие Скорбь смогут прочесть его мысли и узнать, что он проклял свое призвание в жизни, присвоив имя, ему грозит мгновенная расправа. Без суда и следствия. Значит, надо хранить секрет. Он крепче перехватил винтовку, сжал губы и вздохнул, цепляясь за единственное, что знал.

Его зовут Минхо.

Несмотря на все усилия Остатков нации, среди Сирот ходили слухи о том времени, когда по Земле распространилась Вспышка, практически погубившая человечество. Никто не мог толком понять, какие из этих историй правда, а какие — просто легенды. Наверное, как и всегда, истина лежала где-то посередине. Сказки о ПОРОКЕ и шизах, об исцелении, о героизме и подлости. Рассказы о Лабиринте и о тех, кому удалось из него сбежать. Большая часть историй представляла собой мутный налет на стекле, в котором невозможно уловить хоть какой-то смысл. Лишь одна стояла особняком; из этого рассказа об отчаянной храбрости Минхо взял себе тайное имя.

В собственном воображении он выглядел точно таким, как Минхо из легендарных глэйдеров, точно так же мыслил и говорил, мечтал и боролся. В глубине души он считал себя достойным этого имени.

Минхо.

Однако храбрость храбростью, а имя должно до поры до времени оставаться тайной.

Тишину нарушил глубокий баритон рожка, донесшийся от ближайшей сторожевой башни, воздух задрожал медной вибрацией. Задумчивое настроение Сироты уступило место натренированной бдительности. Он переступил с ноги на ногу, встал на колени у низкой стены парапета и зафиксировал винтовку на верхнем краю. Задержав дыхание, согласно литании для успокоения, которой учили с пятилетнего возраста, он вглядывался в далекие плоские поля, ожидая того, о чем предупредили со сторожевой башни.

Прошло несколько минут. Ничего, кроме пыли, болота и гниющей растительности на много миль вперед. Терпение. В этом Сироты могли дать фору кому угодно.

На горизонте появилась быстро приближающаяся фигура, и вскоре Минхо разглядел достаточно, чтобы принять решение. Человек, на лошади. В лохмотьях, безоружен, волосы развеваются во все стороны бешеным клубком тощих змей. Всадник мчался прямо к Минхо. За полкилометра незнакомец перевел скакуна на рысь, затем на шаг, а метрах в восьмидесяти остановился. Мужчина поднял руки, наверняка зная, какое смертельное оружие на него нацелено, и закричал:

— Я не заражен! Я прошел проверку и сидел на карантине шесть месяцев! Никаких симптомов! Клянусь! Я останусь здесь, пока ты не убедишься, что я здоров!

Минхо слушал незнакомца, хотя его слова не имели смысла. Ни малейшего. Исход этого сценария, как и всего, что происходило в городе под управлением Остатков нации, был давно предрешен. Вспышка — их дьявол, Исцеление — Бог. Он приготовился, осознавая, что еще долго не наберется смелости нарушить установленный порядок.

— Пожалуйста! — взмолился мужчина. — Я так же здоров...

Громкое эхо от выстрела разнеслось во все стороны.

Незнакомец свалился с лошади и упал в грязь. Из новой дыры в его голове поднималась тоненькая струйка дыма. Еще один выстрел, и животное тоже упало.

Минхо вдохнул запах пороха, гордясь точностью прицела и одновременно сожалея, что пришлось стрелять.

Сирота встал, вытянулся по стойке смирно и приставил к плечу винтовку, как делал уже одиннадцать лет. Имени у Сироты не было.

ВТОРОМУ ИГРОКУ ПРИГОТОВИТЬСЯ

ЭРНЕСТ КЛАЙН

ЧИТАЙТЕ ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА
«ПЕРВОМУ ИГРОКУ ПРИГОТОВИТЬСЯ»!

Кат-сцена

После победы в конкурсе Холлидэя я не выходил в сеть девять дней подряд и тем самым установил личный рекорд.

Наконец соизволив приступить к делам, я засел в своем новом угловом кабинете на верхнем этаже небоскреба Gregarious Simulation Systems в центре Коламбуса и приготовился блистать в качестве одного из новых владельцев компании. Остальные разлетелись кто куда. Сёто вернулся домой в Японию, где возглавил подразделение GSS на острове Хоккайдо. Эйч наслаждалась отпуском в Сенегале, на родине предков, куда всегда мечтала попасть. А Саманта отправилась в Ванкувер, чтобы попрощаться с бабушкой и собрать вещи. Она планировала задержаться там еще на четыре дня — целая вечность, как по мне. Чтобы занять себя на это время, я решил опробовать новообретенные способности суперпользователя OASISa.

Забравшись в свою новенькую навороченную систему погружения «Хабашоу 9400», я надел визор, тактильные перчатки и вышел в сеть. Мой аватар появился там же, где я его оставил, — на планете Хтония, у ворот замка Аноракка. Меня несколько не удивили тысячи других игроков, терпеливо дожидавшихся моего появления. Если верить новостным сводкам, некоторые из них даже разбили там

лагерь еще неделю назад, когда я воскресил их сразу после нашей эпической бойни с «шестерками».

Своим первым указом в качестве одного из новых владельцев GSS я велел админам восстановить аватары, героически павшие в сражении у замка, вместе со всем инвентарем, монетами и уровнями. На мой взгляд, это самое малое, что мы могли сделать в благодарность за помощь, и друзья меня полностью поддержали. Так мы приняли наше первое совместное решение на новой должности.

Едва меня завидев, ближайшие аватары кинулись ко мне со всех сторон. Я поспешил телепортироваться в замок, а точнее, в кабинет на верхушке самой высокой башни, куда могла ступить нога лишь одного аватара — моего, благодаря мантии Анорака. Иссиня-черная накидка наделяла меня божественными силами, которыми некогда обладал аватар самого Холлидэя.

Я оглядел загроможденный вещами кабинет. Именно здесь чуть больше недели назад Анорак объявил меня победителем конкурса и навсегда изменил мою жизнь. Взгляд упал на картину с изображением черного дракона, затем опустился на вычурную хрустальную тумбу, на которой стояла инкрустированная драгоценными камнями чаша. А в чаше покоился предмет, на поиски коего у меня ушли целые годы, — серебряное пасхальное яйцо Холлидэя.

Я подошел к нему, чтобы полюбоваться, и вдруг заметил нечто необычное: на гладкой поверхности виднелась надпись, которой девять дней назад совершенно точно не было.

В кабинет больше никто не допускался, никто не мог эту надпись нанести. Напрашивался единственный вывод: сам Холлидэй запрограммировал яйцо таким образом, чтобы текст появился позже. Ну или, когда Анорак передал мне мантию, из-за волнения надпись ускользнула от моего внимания.

Я наклонился и прочитал:

«GSS, 13-й этаж, хранилище № 42—8675309».

Резко подскочил пульс, в ушах зашумело. Недолго думая, я вышел из OASISa, вылез из системы погружения и кинулся к двери. Промчавшись по коридору, запрыгнул в первый же лифт. Внутри стояли сотрудники, которые неловко отвели взгляды. Наверняка у них в головах промелькнула мысль: «Вот и новый начальник — такой же чудаковатый, как старый»*.

Коротко кивнув в знак приветствия, я нажал на кнопку тринадцатого этажа. Согласно интерактивной карте здания на моем телефоне, там располагались архивы GSS. Разумеется, Холлидэй поместил их именно на тринадцатом этаже, как же иначе? В одном из его любимых сериалов, «Макс Хедрум», на тринадцатом этаже телесети находилась скрытая научно-исследовательская лаборатория. Также существовал научно-фантастический фильм о виртуальной реальности под названием «Тринадцатый этаж», выпущенный в девяносто девятом году, почти одновременно с «Матрицей» и «Экзистенцией».

Когда я вышел из лифта, вооруженные охранники на посту вытянулись по стойке «смирно». Затем один, как полагается, просканировал мою сетчатку глаза, подтверждая личность, и провел меня через ряд бронированных дверей в лабиринт ярко освещенных коридоров. Наконец мы добрались до комнаты со множеством дверей на всех стенах, как в помещении банка с депозитными ячейками. На каждой висела табличка с номером.

Я поблагодарил и отпустил охранника, а сам принялся искать дверцу под номером 42 — что, кстати, было оче-

---

* Отсылка к строчке из песни Won't Get Fooled Again (1971) группы The Who: «Вот и новый начальник — такой же, как старый». Фраза ушла в народ и часто используется в значении «Власть меняется, а порядки остаются прежними» (здесь и далее — примечания переводчика).

редной отсылкой Холлидэя: в одном из его любимых романов, «Автостопом по Галактике», число 42 является ответом на «основной вопрос жизни, Вселенной и всего остального».

Наконец я нашел нужную ячейку и несколько мгновений просто стоял перед ней, как истукан, напоминая себе дышать. Справившись с волнением, я набрал на кодовой панели рядом с дверцей комбинацию из семи цифр с пасхалки: 8—6—7—5—3—0—9 — комбинацию, которую не забудет ни один уважающий себя пасхантер. «Jenny, I've got your number. I need to make you mine»...*

Замок глухо щелкнул, и дверца распахнулась. Внутри хранилища лежало большое серебряное яйцо — оригинал виртуальной копии из кабинета Анорака, только без надписи.

Вытерев вспотевшие ладони о штаны — не хватало еще выронить бесценную вещицу, — я вынул пасхалку и опустил на стальной стол в центре комнаты. Яйцо немного покачалось, как неваляшка, и замерло в вертикальном положении («Неваляшка все валится и валится, да справляется»**). Наклонившись поближе, я заметил почти на самой верхушке маленькое овальное углубление, похожее на сканер отпечатков. Когда я осторожно прижал к нему большой палец, яйцо раскрылось на две половинки.

Внутри, в бархатной синей колыбели, лежал предмет, похожий на головную гарнитуру.

Я вытащил его и повертел в руках, внимательно рассматривая. Основу в виде сегментированной полоски, которая, вероятно, должна была тянуться ото лба к затылку, прорезали десять металлических дуг, каждая состояла из

---

* Строчка из популярной песни девяностых «867—5309/Jenny» Тонни Тьютона.

** Слоган рекламной кампании неваляшек в Америке в семидесятых и двухтысячных годах.

соединенных подвижных сегментов с рядом круглых сенсоров на внутренней стороне. Вся конструкция, казалось, регулировалась под голову любых размеров. От основания тянулся длинный оптоволоконный кабель со стандартным штекером OASIS — гарнитура явно была фирменным внешним устройством, только ни на что не похожим и перегнавшим в развитии все остальные на несколько световых лет. Если прежде сердце у меня бешено колотилось, то теперь почти замерло.

Из яйца раздался короткий звуковой сигнал, и я вновь обратил на него свой взор. На мгновение меня ослепила красная вспышка: крошечный сканер просканировал сетчатку. Затем включился встроенный в крышку маленький экран, возник логотип GSS, который через несколько секунд сменился лицом Джеймса Донована Холлидэя. Судя по морщинам и изможденному виду, видео было записано незадолго до его смерти. Однако, несмотря на недомогание, он не использовал свой аватар, чтобы снять послание, как в случае с «Приглашением Анорака». Отчего-то на этот раз он решил предстать во плоти, в свете жестокой, неумолимой реальности.

— Устройство в твоих руках называется ОНИ — оригинальный нейронный интерфейс, — заговорил Холлидэй. — Это первый в мире полностью рабочий бесконтактный мозговой интерфейс. Он позволяет пользователю OASISa видеть, слышать, чувствовать запахи и вкусы виртуальной среды своего аватара с помощью сигналов, передаваемых непосредственно в кору головного мозга. Сенсорная матрица гарнитуры отслеживает и считывает мозговую активность пользователя, тем самым позволяя ему управлять своим аватаром так же, как физическим телом — просто силой мысли.

— Иди ты! — вырвался у меня потрясенный возглас.

— Я только начал, — усмехнулся Холлидэй, словно услышав мои слова. — С гарнитурой ОНИ можно запи-

сывать происходящее с пользователем в реальном мире. Все ощущения считываются с мозга и сохраняются в формате «oni» на внешнем носителе информации, присоединенном к гарнитуре. Загрузив файл в OASIS, человек сможет заново проиграть и прочувствовать событие, а также поделиться им с любым пользователем ОНИ.

Холлидэй слабо улыбнулся.

— Иными словами, ОНИ позволяет пережить моменты из жизни других людей. Увидеть мир их глазами, услышать их ушами, почувствовать запах их носами, попробовать на вкус их языком и ощутить их кожей. По сути, ОНИ — лучшее средство связи между людьми из ныне существующих, а лучше, пожалуй, никогда и не потребуются. — Он постучал пальцами по лбу. — Теперь можно подключиться к чужому котелку напрямую.

Я слышал его слова, однако мозг отказывался их воспринимать. Холлидэй наверняка просто прикалывался... Или под конец жизни у него совсем шарики за ролики захедали, и он окончательно перестал отличать реальность от вымысла. Описанная им технология существовала лишь в научной фантастике. То есть да, люди с ограниченными возможностями уже использовали нейронные интерфейсы, чтобы видеть, слышать или двигать парализованными конечностями. Однако подобные чудеса медицины возможны, только если выпилить дырку в черепе и вживить имплантаты и электроды непосредственно в мозг.

Концепция гарнитуры с нейронным интерфейсом, позволяющим записывать, воспроизводить и/или имитировать весь спектр ощущений человека, мелькала во многих научно-фантастических романах, сериалах и фильмах, которые обожал Холлидэй. Например, в книге «Нейромант» Уильяма Гибсона такая технология называется SimStim, она появляется и в фильмах «Мозговой штурм» восемьдесят третьего года и «Странные дни» девяносто пятого...

Если гарнитура ОНИ действительно способна на чудеса, описанные Холлидэем, значит, он вновь совершил невозможное. С помощью лишь силы воли и интеллекта ему удалось превратить научную фантастику в научную реальность. Правда, о последствиях он, как обычно, не подумал.

Я вдруг вспомнил, что в Японии словом «они» называют гигантского рогатого демона из преисподней. Вряд ли это совпадение, учитывая любовь Холлидэя к отсылкам.

— На твой личный аккаунт в OASIS уже выслано программное обеспечение и документация к ОНИ, — продолжал гениальный изобретатель. — А также подробные схемы гарнитуры и файлы, необходимые для штамповки устройства на 3D-принтере.

Холлидэй немного помолчал, уставившись в камеру.

— Полагаю, протестировав ОНИ, ты тоже поймешь, что новое изобретение в корне перевернет саму суть нашего существования. На мой взгляд, гарнитура способна помочь человечеству. Но также усугубить проблемы. Думаю, тут важно вовремя ее выпустить. Именно поэтому я вверяю ее судьбу тебе — моему наследнику. Ты должен сам решить, когда мир будет готов к этой технологии и будет ли готов вообще.

Его немощная фигурка затряслась в приступе кашля. Когда приступ прошел, Холлидэй хрипло вдохнул и проговорил свои последние слова:

— Не торопись с решением. Открыв ящик Пандоры, его уже не закроешь. Так что... подойди к вопросу с умом.

Он слабо махнул на прощание, затем экран почернел, и появилось сообщение: «Видеофайл удален».

Я долго сидел, не в силах пошевелиться. Что это? Какой-то изощренный посмертный розыгрыш? Если Холлидэй действительно изобрел идеальное средство общения, какое описал, то почему молчал при жизни? Почему сам его не запатентовал и не показал миру? В голове не укладывалось...

Я вновь взглянул на гарнитуру в руках. Она целых восемь лет пролежала в этом хранилище под замком, терпеливо дожидаясь моего появления. И теперь, когда я наконец достал ее на свет божий, мне оставалось лишь одно.

Убрав устройство обратно в яйцо, я взял его в руки и направился к выходу из архива, заставляя себя идти спокойным, размеренным шагом. Однако самообладание испарилось за считанные секунды, и вскоре я уже летел к лифту на всех парах. Попавшимся мне на пути работникам компании посчастливилось лицезреть своего начальника, который с выпученными глазами мчится по священным коридорам GSS, прижимая к груди, подобно младенцу, огромное серебряное яйцо.

* * *

Добравшись до своего кабинета, я запер дверь, опустил жалюзи и сел за компьютер, чтобы ознакомиться с документацией к ОНИ, о которой говорил Холлидэй. Хорошо, что рядом не было Саманты, иначе она непременно стала бы меня отговаривать от тестирования ОНИ, и, боюсь, ей бы это удалось (я недавно обнаружил, что, когда ты по уши в кого-то втрескался, этот кто-то может уболтать тебя на все на свете).

Нельзя же упускать такой исторический шанс! Все равно что отказаться первым слетать на Марс. Кроме того, вряд ли гарнитура угрожала здоровью, иначе Холлидэй непременно предостерег бы. В конце концов, я прошел огонь и воду, чтобы удостоиться титула его единственного наследника. Он не стал бы подвергать меня опасности, верно?

Так я себя успокаивал, пока подключал гарнитуру ОНИ к своей консоли OASIS и осторожно водружал на голову. Ее телескопические дуги автоматически сжались, плотно прижимая скопище датчиков к моей черепной ко-

робке. Вся сетка зафиксировалась так, чтобы сенсоры не двигались во время взаимодействия с мозгом. Согласно инструкции, принудительное снятие гарнитуры в процессе работы может серьезно повредить мозг пользователя и даже безвозвратно погрузить его в кому. Потому-то и нужны титановые дуги: чтобы предотвратить случайные сдвиги. Я счел эту маленькую особенность скорее утешительной, нежели тревожной — как ремень безопасности в машине.

В инструкции также говорилось, что мозг может пострадать при внезапном отключении питания. Поэтому к гарнитуре прилагалась запасная встроенная батарея, способная подпитывать устройство для аварийного выхода из системы и безопасного пробуждения пользователя из коматозного состояния, в которое он погружается во время работы гарнитуры.

Так что беспокоиться не о чем. Совершенно не о чем. Подумаешь, какой-то гигантский металлический паук намертво вцепился в твой череп и хочет присосаться к мозгу...

Я опустил на синий бархатный диван в углу кабинета и, согласно инструкции, улегся как можно удобнее. Затем глубоко вдохнул, словно перед прыжком в воду, и включил гаджет.

Голову начало слегка пощипывать — гарнитура сканировала мозг, чтобы сохранить данные в моей учетной записи и в дальнейшем использовать для подтверждения личности вместо скана сетчатки. Механический женский голос попросил назвать мою кодовую фразу. Медленно, четко выговаривая слова я произнес:

— Everybody wants to rule the world*.

---

* «Все хотят править миром» (популярная песня английской группы Tears for Fears, выпущенная в 1985 г.).

Роман, обнажающий мощь и силу любви. ВАВЕЛИО

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Дом на берегу
океана, где мы были
счастливы*

[roman]

Corpus

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
“СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ ЧИТАЮТ
КНИЖКИ И ПЬЮТ КОФЕ”

Глава первая

Где-то, неизвестно где

Ветер завывал и бесновался. Продолжался прилив. В унисон с моими ожиданиями накатывали мощные волны и с неумолчным грохотом обрушивались на прибрежные скалы. Били по скалистому берегу так сильно, что, встретившись с ним, рывком отступали обратно в океан, яростно сталкиваясь со следующим табуном и образуя снопы кипящей пены. Захватывающее зрелище. Умиротворяющее. Разгул стихий неудержимо притягивал меня. Я мог прыгнуть в их гущу и навсегда исчезнуть. Наконец-то исчезнуть. Меня никогда не найдут, а если и найдут, то через несколько недель. На какой пляж выбросит мое тело? Не все ли равно. Неужели настал момент? Тот самый момент, которого я так долго ждал. Больше ничто меня не останавливало.

Ливень хлестал меня, а я хохотал. Это был горький смех. Все, я пришел. Шаг. Второй. Третий.

Я стоял на краю, готовясь упасть. Гибельная бездна звала меня. Закрыв глаза, я заставлял звучать музыку. Проигрывал в уме аккорды, которые уйдут вместе со мной. Мозг прокручивал мое последнее сочинение.

Вдруг передо мной возникло лицо Натана. Оступаясь, я отшатнулся от края, дыхание сбилось. Настолько, что я сложился пополам и оперся ладонями о колени. Как если бы долго бежал. Я испепелил взглядом бурю, начавшуюся слишком рано. Возмутился и наорал на нее. Она насмеялась надо мной. Ради него, Натана, я пока еще обязан устоять.

Натан — единственный человек на планете Земля, которого я должен защитить.

Спотыкаясь, я вернулся в дом.

В свой дом — подобие берлоги. Подобие западни. Но с бутылкой и таблетками я был вправе рассчитывать на не слишком скверную ночь.

Глава вторая

Где-то в другом месте

Пятничный вечер обещал быть хорошим — таким, как я люблю. Сплошной экспромт. Днем пришло сообщение от Сюзанны, моей старшей сестры: “Есть планы на сегодняшний вечер?” Я ответила: “Угадай!” Она: “Удачный или неудачный день?” Я: “Неплохой”. Она: “У тебя? С Анитой?” Опять я: “Буду рада”. Анита, средняя сестра, прорезалась через несколько минут: “Ты Васко позвала? Пусть займется ужином! Иначе не приду”. Я постучала в дверь соседнего кабинета, где сидел наш предполагаемый шеф-повар.

— Придешь вечером ко мне? Будут сестры... Решай сам, ты не обязан!

Васко послал мне одну из своих широких ласковых улыбок, всегда ободряющих, независимо от обстоятельств.

— Что у тебя есть в холодильнике?

Мое лицо приняло сокрушенное выражение, я пожала плечами: исчерпывающий ответ.

Он резко откатился в кресле и небрежно закинул руки за голову. Бросил на меня взгляд, в котором не было места иллюзиям, и помолчал, выбирая подходящую реакцию. Отчитать меня, словно школьный учитель нерадивого ученика? Или махнуть рукой и похихикать над моим легкомыслием? Я едва справлялась с рвущимся наружу смехом.

— Мадлен! — прорычал он. — Я уже предупреждал тебя: если ты и дальше не будешь питаться хотя бы относительно нормально, мне придется в конце концов поселиться у тебя!

Я сдалась и громко расхохоталась, тогда как Васко расстроенно смотрел на меня, чего я предпочла бы не замечать. Из-за меня он переживал, и это было невыносимо. Я и раньше мучилась, если приходилось огорчать тех, кого люблю, а теперь это стало совсем нестерпимо. Но тут я ничего поделать не могла.

— То есть мы можем рассчитывать на тебя? — я надеялась, что вопрос прозвучал лукаво.

Вместо ответа он закатил глаза. Я выиграла.

Два часа спустя я с удовольствием наблюдала за Васко, безраздельно царившим на моей кухне. Он напевал, роаясь в шкафах в поисках того, что сможет добавить к своим покупкам. Мне всегда нравилось следить за Васко, колдующим у плиты. Он был и оставался жизнелюбом, причем не просто гурманом и тем, кто всегда готов ловко откупорить по-

следнюю бутылку, а также все последующие. Он был истинным гедонистом, потому что обожал угощать гостей, с восторгом набрасывающихся на приготовленные им блюда, зачастую обильно сдобренные специями, но всегда невероятно вкусные. Васко получал огромное удовольствие, когда делился: я редко встречала настолько щедрых людей. На самом деле, из всех, кого я знала, таким был только он.

Я сидела за столом и любовалась им. Он пробовал свою стряпню, добавлял приправы, все перемешивал и при этом двигался в такт африканской музыке, которую лишь с натяжкой можно было считать танцевальной.

— Нальешь и мне бокальчик? — попросила я, заметив, что он отхлебнул из своего.

Он покосился на меня через плечо.

— Ты уверена?

— Не беспокойся, всего глоток — я намерена провести вечер не в постели и не согнувшись над унитазом.

Спустя несколько минут он сдался, сел рядом со мной, протянул мне бокал и без единого слова прикоснулся к нему своим. Тост был за мной, что случалось все чаще:

— За жизнь, Васко!

— Прекрати!

— Ни за что! Я даже повторю это еще громче, в полный голос! За жизнь! За нашу дочь!

Он отвел глаза и долгим поцелуем прильнул к моим волосам. Я улыбнулась, купаясь в его нежности. Никогда бы не поверила, что такое возможно,

но мой бывший муж и отец моей дочери был и всегда останется моим лучшим другом. Мы много лет не жили вместе, но при этом оставались неразлучными. И причина была не только в том, что мы управляли нашим общим туристическим агентством.

— Где она, кстати? — спросил он охрипшим голосом, вставая из-за стола. — Должна бы быть здесь.

Могло показаться, будто он исполняет роль строгого отца, но в действительности все было наоборот. В его интонации звучала нежность и бесконечная любовь, которую он питал к нашей дочке. Просто он пытался сбросить напряжение. Дочь была единственным человеком, на которого он не мог повысить голос. И для нас обоих это не было тайной.

— У нее намечилась вечеринка, и я уговорила ее пойти.

— Правильно сделала, Лизе необходимо передохнуть и развлечься.

— Я ей постоянно это твержу.

— Не сомневаюсь...

— Васко, посмотри на меня.

Он допил бокал, снова подлил себе вина и только потом подчинился.

— Все в порядке, да? — спросила я. — Мы хорошо, нет, даже прекрасно проводим время. И я хочу, чтобы все так и шло. У меня нет желания портить все бессмысленным и бесполезным спором. Если ты не согласен, я звоню сестрам, говорю, чтоб не приходили, и выпроваживаю тебя!

Он помотал головой, прогоняя дурные мысли, и снова заулыбался.

— Ну ты даешь! От тебя ничего не скроешь!

Наш обмен репликами прервал громкий стук открывшейся входной двери. Встречей сестер и их мужей можно себя не утруждать. Им хорошо известна дорога, и они знают, где нас найти. Сюзанна и Анита явились с охапками цветов, расцеловали меня, тут же занялись поиском вазы и поставили цветы в воду. Близнецами они не были, но их сходство позволяло это заподозрить. Достаточно было одной сделать движение, чтобы вторая тут же последовала ее примеру. Они понимали друг друга с одного взгляда. Они всегда все делали вместе и одинаково, несмотря на разницу в возрасте в полтора года. Ознакомившись с меню ужина, сестры наградили Васко одобрительным подмигиванием, затем уселись по бокам от своей младшенькой и защебетали. Зятя тоже расцеловали меня, после чего присоединились к нашему шеф-повару, нарушая его строгий запрет приближаться к плите. Дружба мужчин зародилась еще в годы учебы и пережила наш развод, что меня не удивляло. Я бы расстроилась, сложись все по-другому. Ни за что бы не разорвала узы, окрепшие задолго до моего появления в жизни Васко.

В двадцать пять лет я не представляла, что делать со своим настоящим и будущим. Диплом я не получила и после мрачного периода, длившегося два нескончаемых года, работала в родительском ресторане, не имея никаких амбиций и не понимая, кто я такая. Я ничего не ждала. Разве только, чтобы прошло время.

Сестры знали обо мне все: мои радости, беды, ошибки, успехи, сомнения и секреты. Они были моими подругами, наперсницами, временами врагами и заодно моими перилами и фундаментом. Они тогда вбили себе в голову, что обязаны вытащить меня из повседневной серости, в которую я сама себя загнала, и я терпела их непрерывные атаки. “Встречайся с людьми, находи друзей”, — постоянно твердили они. Я не сомневалась, что не устою против их натиска, и, когда они почти исчерпали терпение, все же покорилась и согласилась прийти на ужин к Сюзанне, куда были приглашены все их друзья. Я надеялась, что после этого они дадут мне временную передышку, и постаралась выглядеть как можно лучше.

Для дикарки, какой я тогда была, это обернулось серьезным стрессом — вдруг очутиться среди всех этих людей, незнакомцев, которые были увлечены своей работой, а некоторые из них к тому же составляли пары. Слишком мы были разными. Мне просто не находилось места в этой компании. Васко явился последним. Поцеловал всех присутствующих, включая меня, сказал: “Очень рад с тобой познакомиться, Мадлен” — и перешел к следующему гостю. Пока мы пили аперитив, я сидела, забившись в угол дивана, не раскрывая рта и только наблюдая за собравшимися, особенно за ним. Время шло, и постепенно я перестала видеть что-либо, кроме его улыбки, и слышала только его дружелюбные слова, которые он находил для каждого. Наши взгляды довольно часто встречались, и я уже не чувствовала себя такой

подавленной. Изумление от того, что мое сердце, оказывается, способно биться, едва не парализовало меня. За столом я сидела рядом с ним и спрашивала себя, что бы такое я могла ему рассказать.

— Не буду ставить тебя в неловкое положение, интересуясь, чем ты занимаешься, это дурацкий вопрос, который только действуют на нервы, — он наклонился ко мне. — С другой стороны, хотелось бы понять, что ты тут делаешь, если совершенно очевидно, что ты бы с удовольствием оказалась где угодно, только не здесь!

Пораженная, я посмотрела на него.

— С чего ты взял?

Он нервно запустил руку в свою шевелюру.

— Мне стало любопытно. Ты не похожа на остальных... Словно паришь над этим ужином, который, между нами, ничем не отличается ни от того, что был на прошлой неделе, ни от того, что будет на следующей.

Я засмеялась, найдя его слова остроумными, и подумала, что он обаятельный и к тому же, похоже, ничего не боится. Краем глаза я заметила, как сестры, удивленные моим смехом, обернулись ко мне. Я их хорошо понимала, я и сама удивилась. До последней минуты мне вообще было неизвестно, что такое смех.

— Они заставили меня прийти, — сообщила я ему, мотнув головой в сторону сестер. — Решила доставить им удовольствие.

— Но ты бы предпочла быть сейчас в другом месте...

Я робко кивнула.

— Где?

Я откинулась на спинку стула, Васко продолжал мне улыбаться, и я действительно была ему интересна.

— Куда бы я охотно переключалась? Надо собраться с мыслями... На другой конец света, например... Или для начала в какую-нибудь спокойную забегаловку на углу ближайшей улицы.

— Вот и хорошо, пошли!

— Ну что за ерунда!

— Я серьезно. Мне хочется поближе узнать тебя, причем поскорее, а ты не горишь желанием оставаться здесь. Как, впрочем, и я, так что...

Он встал.

— Что ты делаешь?

— Пойдем?

Он протянул мне руку.

— Чего бы ты ни боялась, Мадлен, ложись на меня.

Не рассуждая и не паникуя, я взяла его за руку, а он осторожно сжал мою ладонь. Впервые за последние несколько лет я прониклась спокойствием, и мне стало хорошо. Мы сбежали, но гости не удивились и не обиделись. Со временем я выяснила, что Васко часто меняет планы, и к его манере все давно привыкли.

В тот момент никто не подозревал, что мы влюбимся, поженимся и родим дочку, но в конце концов поймем, что нам гораздо комфортнее оставаться лучшими друзьями, чем мужем и женой.

Поэтому очевидно, что сохранившаяся дружба между мужчинами нашей семьи не могла не радовать меня.

Весь вечер в моей квартире звучал смех, у всех было отличное настроение, и я купалась в этом простом счастье, даровом и лишенном притворства, несмотря на напряженные взгляды, которыми мои гости изредка исподтишка обменивались. Я копила на всякий случай их улыбки и взрывы смеха. Они все еще были моим топливом. И я больше всего хотела, чтобы мои улыбки и смех стали топливом для них. Они в этом нуждались. Но не я.

Время от времени я отстранялась и любовалась картиной, которую мы собой представляли. Все шло как надо, все было идеально.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что все же сожалею об отсутствии на ужине моей Лизы.

Глава третья

Где-то, неизвестно где

Ночью бушевала буря, но я не закрыл ни одного окна. Броситься в самую ее гущу, раскинув руки, я не мог, но мне нужно было ощущать ее близость, она должна была окутать меня. Я не играл, а просто стучал по клавишам рояля, заставляя его выталкивать наружу мою ярость, я вопил и призывал ее.

Я проклинал саму планету, Господа и всех святых. Зачем они в очередной раз помешали мне положить этому конец? Выходит, жизнь шла, а я только и делал, что дожидался, когда она наконец закончится. Неужели я такой трус? Неужели я трачу свое время на поиск оправданий тому, что удерживает меня от последнего прыжка?

Постепенно я научился ценить боль, грызущую меня. Она была моей верной подругой и не покидала меня, даже когда я, как в эту ночь, накачивал себя алкоголем и лекарствами. Она никогда не ухо-

дила далеко. Мы с ней вдвоем, словно давние любовники, скрывались в нашем мире, над которым не были властны ни невесомость, ни реальность.

Я должен признать одно важное достоинство боли — она сделала меня невыносимым. Можно сказать, так я добился, чтобы меня оставили в покое. Все те, кто годами обременял меня, постепенно отделились. Впрочем, нуждался ли я в них вообще? Не уверен. Я их просто терпел. Они оккупировали мое личное пространство в редкие минуты моей слабости.

Теперь эти времена прошли.

Нет больше жены. Нет агента. Нет концертов и гастролей. Нет сольных выступлений.

Спокойствие.

Пустота.

Я наедине со своими демонами и своим роялем.

Только Натан еще цепляется за меня. Пора ему раз и навсегда возмужать.

Этим вечером я пришел на край пропасти.

Мое терпение достигло предела.

Глава четвертая

В другом месте

Я не включала свет и бродила по темной квартире. Ее освещали только уличные фонари. Я отодвигала момент, когда надо будет ложиться. Растягивала время, искривляла его. Внимательно наблюдала за деталями моего мира, запоминала его, не переставая спрашивать себя, зачем мне это. Неважно. Для чего лишать себя мгновений, которые я любила все больше и больше? В такие периоды мне казалось, что все останавливается. Тогда я ныряла в воспоминания, спокойно и бесстрастно размышляла над тем, что скоро произойдет. Блуждая по дому, я проводила пальцами по деревянной поверхности мебели или погружала их в подушки, наслаждаясь нежностью ткани и улыбаясь тому удовольствию, которое получала.

Если бы неожиданно ко мне вошла одна из сестер или Васко, они приняли бы меня за призрак, прогу-

ливающийся в ночной рубашке во тьме. А ведь я пообещала им лечь спать, как только они уйдут.

Все было убрано, как если бы мы отменили сегодняшний ужин. Что было бы весьма досадно. Оставшуюся еду и принесенные продукты мои гости спрятали в холодильник, чтобы я правильно питалась в ближайшие дни. Цветы оживляли гостиную. Я зарылась носом в букет, розы пахли так прекрасно. Никогда не стоит забывать аромат цветов. В нем словно таится привкус детства. Он наполняет мирной энергией. Я и забыла, что люблю его. Сюзанна и Анита думали обо всем. Они меня баловали. Возможно, излишне.

Я улыбнулась, найдя на столике в прихожей папку Васко. Завтра под предлогом своей забывчивости он забежит ко мне, чтобы забрать ее и заодно убедиться, что у меня все в порядке, а Лиза будет со мной на выходных. Его нежность и постоянное внимание очень ободряли, правда, вызывая одновременно чувство вины. Это никак не входило в его намерения, что я отлично понимала. Сумей Васко прочитать мои мысли, он, вне всякого сомнения, устроил бы мне головомойку. Его вспыльчивость мне была хорошо знакома. Поэтому я прилагала усилия и скрывала внутренние конфликты, сотрясавшие меня.

Я делала все, чтобы не стать обузой для него, для моих сестер и особенно для дочери, но родные были гораздо сильнее меня. Как с ними бороться?

Невозможно. Они стремятся поддержать меня, помочь, почаще общаться, пока все нормально. Ну или пока сохраняется эта иллюзия. Как бы я хотела снять с их плеч груз, избавить от необходимости постоянно следить за мной, от ожидания, которое изнурило их сильнее, чем меня, и, главное, мешало им жить своей жизнью.

Я даже иногда мечтала о том, чтобы все произошло быстро.

Еще быстрее, чем предполагается.

Заглядывая в глубины своей души, я осознала, что хотела бы покончить с этим прямо сейчас, но недостаток храбрости мешал мне утолить это довольно нездоровое желание, в котором нельзя было признаться.

“Нездоровое” — самое правильное слово.

Я должна была умереть.

Я это знала.

И они это знали.

Мы жили с этим знанием, уточню без всякой иронии.

Это был вопрос времени. Максимум нескольких месяцев. Наше преимущество заключалось в том, что мы полностью отдавали себе в этом отчет, никакой надежды нам не оставили. Обе мои сестры были врачами, и, несмотря на свой боевой дух, они в конце концов были вынуждены согласиться с мне-

нием коллег. Я сражалась целый год, ни разу не опустив руки. Однако месяц назад результаты анализов были неоспоримы. Я проиграла.

Скоро моя жизнь закончится.

Каждый должен умереть однажды. Просто я надеялась, что у меня больше времени. Если поразмыслить, сорок три года — это довольно мало. Но мне придется ими удовольствоваться. Что я могла сделать? Ничего. И никто не мог ничего с этим сделать.

Единственная несправедливость терзала меня. Самая скверная из всех возможных. Неизбежность этого испытания для моей дочери. Я возносила благодарности высшей сущности, если таковая имеется, за то, что уйду раньше нее, ведь родители должны покидать этот мир раньше своих детей. Но лишиться матери, остаться сиротой в восемнадцать лет — это должно быть недопустимо. Нельзя заставлять ребенка переживать такую драму, такую потерю в самом начале юности. Как она продолжит взрослеть? Я грустила не оттого, что пропущу важные события ее биографии, меня приводила в отчаяние мысль, что на каждом значимом этапе Лизу будет переполнять печаль, и она будет спрашивать себя: “Что бы сказала мама?”, “Почему со мной нет мамы?”, “Каким было бы мамино мнение?”. Там, где я окажусь, мне не придется страдать. Она же, напротив, подвергнется атакам реальности. Но и против этого мы были бессильны.

После объявления фатального приговора я выплакала море слез, лежа в постели или закрывшись в туалете, чтобы никто не видел, что я сдалась. И вскоре приняла решение. В Лизиной памяти не сохранится образ мамы — подавленной женщины, постоянно перечисляющей все вероятные события, в которых она не сможет участвовать вместе с дочкой. Напротив, я должна дать ей силы, чтобы она жила дальше и двигалась вперед. Без меня. Моя роль состоит в том, чтобы наполнить ее душу всем, чем я смогу, до того как исчезну из ее жизни. Какой единственный выход оставлен нам? Принять неизбежное. Часть своей энергии я потратила на то, чтобы донести эту идею до окружающих. Я всегда восхищалась Лизой, но теперь она пошла даже дальше и, проявив удивительную зрелость, стала моей лучшей союзницей в этом сражении. Мы обе не собирались тратить то малое время, что нам оставалось быть вместе, на борьбу с неотвратимым и сетования на выпавшую нам судьбу. Семья, в конце концов, не устояла против моего упорства и согласилась выстраивать новые воспоминания. Последние.

С этого момента я опять была в ладу с собой.

Я перестала отвечать на некоторые вопросы, приводила дела в порядок и продолжала более или менее нормально проживать то, что мне осталось. Если меня вдруг спрашивали “Чем ты больна?”, я отвечала, что это не имеет никакого значения. Вопрос

не в этом. Конец у всех один. Когда он известен, нет нужды выяснять, с чего все началось, разве что для удовлетворения своего рода нездорового любопытства. Диагноз роли не играет. Важны лишь конечная точка и то, как ты живешь до того, как она будет зафиксирована на бумаге.

Я лежала в постели, уставившись в потолок. Сражалась со своими страхами. Я, конечно, сохраняла внешнюю безмятежность, но мне было невероятно трудно, чтобы не сказать невозможно, перестать бояться. Особенно ночью. Особенно когда я лежала в постели. Каждый вечер я задавала себе вопрос, буду ли в этом же положении, когда все закончится. Когда мое тело прекратит сопротивление. Не стоило бы допускать такие мысли, это нехорошо. Но как их запретить? Это же естественная человеческая реакция, разве нет? Как в тот миг, когда засыпаешь, не спросить себя, не закрываешь ли ты глаза в последний раз? Когда я боролась с подступающим сном, мое дыхание учащалось — и это утомляло и ослабляло меня, — настолько гнетущим был ужас от того, что это может быть концом. Я цеплялась за псевдощестое чувство, убеждая себя, что, когда время подойдет, я это интуитивно пойму. А пока оно еще не пришло. Оно не заставит себя ждать, но у меня есть небольшая передышка. Я успокаивала себя, как умела.

Как странно знать, что скоро умрешь. Меня одолевали самые неожиданные вопросы. Где бы я хотела быть в ту самую минуту, имей я выбор? С кем?

Хотела бы я быть одна? Чье лицо я бы предпочла увидеть в последнее мгновение? Буду ли я в сознании? Или оно окончательно затуманится, защищая меня от горя Лизы, Васко, сестер? Это можно счесть безумием, но я отказывалась сбежать потихому. Если бы мне позволили выбирать, я бы потребовала своего присутствия, возможности попрощаться с ними и повторить, как сильно я их люблю.

И еще один вопрос мучил меня. У меня не было ответа на него, и я старалась отодвинуть его подальше. Из-за того, возможно, что ответ причинил бы мне боль, а я полагала, что на мою долю выпало и так достаточно страданий.

Остались ли у меня сожаления?

МИР ЛЮБИ

A close-up portrait of a young woman with long, wavy, light brown hair and blue eyes. She is looking directly at the camera with a soft expression. The background is a blurred bokeh of green and blue light spots.

АННА ДЖЕЙН

ПО ЗВЕЗДАМ

СЕВЕРНАЯ КОРОНА

БОЛЕЕ 1 000 000 ПОКЛОННИКОВ

Глава 1

21

Девять-шесть месяцев назад, сентябрь — декабрь

Ника сидела в кинотеатре. Украдкой зевая, она смотрела на огромный экран, на котором бежали взад-вперед и что-то при этом задорно пели нарисованные герои. Вместе с двоюродной сестрой Ника пришла на новый мультфильм, который назывался «Приключения Тесея», и если Марте он нравился, то Нике было скучно. Она предпочитала фильмы, например, психологические триллеры или детективы, но согласилась составить компанию двоюродной сестренке.

«Приключения Тесея» сняла известная анимационная студия, и уже из названия было понятно, кому посвящен мультфильм, — древнегреческому герою Тесею. Тому самому, который победил чудовищного Минотавра с помощью нити царевны Ариадны. Однако с настоящей мифологией мультик был связан мало. События в нем переврали, а сам Тесей выглядел полнейшим болваном, который обладал огромной силой, но не умел ею распоряжаться. А еще был ленивым и наглым. Вместе со своими друзьями Тесей то и дело влипал в передраги и постоянно распевал веселые песенки.

Сняв 3D-очки, от которых уставали глаза, Ника вздохнула. Герои в этот момент танцевали в каком-то кабаке что-то среднее между румбой и гопаком.

— Эй, тебе не нравится, что ли? — спросила Нику ее сестра.

Они были похожи — обе среднего роста, стройные, с тонкими чертами лица. Только у Марты волосы были другими — светло-русыми, очень длинными и волнистыми. Выпрямить их было огромной проблемой, и Марта все время злилась из-за того, что они пушились, а сама девушка становилась похожей на одуванчик. А еще Марта была младше, но это не мешало им хорошо общаться.

— Не очень, — призналась Ника.

— Ты просто очень злая, поэтому и не любишь мультики, — вынесла вердикт Марта, запуская руку в ведро с попкорном, которое принадлежало Нике. Свой она уже слопала.

— Ну а ты у нас сама доброта, — усмехнулась Ника.

— Хочешь уйти? — вздохнула Марта.

— Нет, досмотрим до конца, раз пришли, — мотнула головой ее сестра. — Мы за это заплатили.

Марта снова уставилась на экран — в отличие от Ники она внимательно следила за всем происходящим. Сказка нравилась ей. Она вообще любила все легкое, смешное и воздушное. Да и сама была будто воздушной. Она любила смеяться и искренне веселилась, наблюдая за тем, как ленивого и явно придурковатого Тесея умоляют поплыть на Крит все жители Афин, которым надоело платить царю Миносу ежегодную дань в размере семи человек. Мультишный Тесей не считал себя героем и никого не хотел спасать. Он хотел жить в свое удовольствие и веселиться вместе с дружками-сатирами. Его приемный человеческий отец Эгей только и рад был потакать желаниям единственного отпрыска и всячески его покрывал. Однако только Тесей обладал

силой, чтобы расправиться с чудовищем Минотавром, в жертву которому и предназначались эти несчастные семь человек.

Тесей раздражал Нику. Ей всегда казалось, что мужчины должны быть сильными и смелыми. А еще умными. Кажется, те времена, когда она в первую очередь ценила внешность, прошли.

«О боже, я старею», — иронично подумала Ника.

Мультфильм продолжался. Сначала любитель прожигать жизнь Тесей ни в какую не соглашался на разборку с Миносом, прятался от просителей, мечтал эмигрировать куда-нибудь в Фивы или даже в Спарту, и только гнев его настоящего божественного папочки Посейдона, решившего, что пора бы уже сделать из сыночка настоящего мужчину, заставил так называемого героя взойти на корабль и вместе с совершенно невнятной морской командой тронуться в путь.

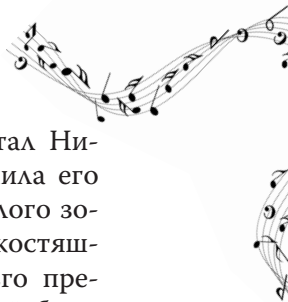
В мультике все было перевернуто с ног на голову — даже то, как Тесей получил венец под названием Северная Корона. В мифе говорилось, что Тесей должен был доказать свое родство с Посейдоном и для этого храбро нырнуть в море, чтобы найти там кольцо Миноса. Только после этого он получил венец от царицы морей Амфитриты. В мультфильме же Тесей по дурости спас странноватого вида нерейду, которая подарила ему Северную Корону в знак благодарности.

Любовная линия тоже была искажена. Тесей познакомился с Ариадной на местном рынке, когда упал царевне, которая прикидывалась простолюдинкой, чуть ли не на голову. Они поругались несколько раз, но как-то подозрительно быстро влюбились друг в друга. Ариадна решила помочь любимому не заплутать в лабиринте и тайно от отца вручила ему волшебную нить. Тесей пошел расправляться с Минотавром, но выяснил, что тот вполне себе дружелюбный тип, правда, одинокий и нуждающийся в друзьях. Людей он не трогал — на самом деле их забирал себе в рабство какой-то циклоп, который был в стоворе с Миносом.

Разобравшись с циклопом и Миносом, а заодно повзрослев и став храбрым, Тесей забрал с собой Ариадну, у которой вот-вот должна была состояться свадьба с богом Дионисом, который, влюбившись в девушку, спустился с Олимпа в виде человека. Ариадна была не согласна с волей отца, а потому сбежала с любимым Тесеем. Вместе с Минотавром, безумным ученым Дедалом и еще парочкой новых персонажей они поплыли в Афины. Дионис, однако, отпускать Ариадну просто так не собирался. Прознав обо всем, он пожаловался папе Зевсу, тот резво провел переговоры с богинями Судьбы — мойрами, — и они явились к Тесею, заявив, что его судьба — быть не с Ариадной, ибо она предназначена самому Дионису, а с ее сестрицей Федрой. Тесей покорился их воле, оставил спящую и ни о чем не подозревающую Ариадну на каком-то островке и на прощание подарил ей венец Северной Короны. И поплыл домой, раздираемый своей пылкой любовью и покорением судьбе.

Глядя на то, как Тесей оставляет спящую Ариадну, Ника вдруг ощутила грусть. У нее ведь тоже так было. Однажды она проснулась и осталась одна. Важный для нее человек исчез без следа. Почему-то Ника вспомнила Никиту — того самого, которого она сначала ненавидела так сильно, что хотела расцарапать лицо. Он оказался младшим братом криминального авторитета и скрывал это ото всех вокруг — хотел казаться обычным парнем. Но Ника узнала его тайну. А еще заключила с ним сделку — притворялась его девушкой перед братом. Поначалу Никита ужасно бесил ее, но постепенно Ника привязывалась к нему все больше и больше. Она поняла, что под маской плохого парня скрывается кто-то другой. Тот, кто может быть верным, заботливым и надежным. А маски носит лишь для того, чтобы никто не увидел его душевные раны.

Ника закрыла глаза, и перед ней предстал Никита Кларский — такой, каким она запомнила его два года назад. Дорогой костюм, часы из белого золота на широком запястье, окровавленные костяшки пальцев. И застывшая в глазах боль. Его предали два близких человека, и погиб старший брат, а за ним самим началась настоящая охота. Тогда он впервые раскрылся перед ней — показал себя настоящего. Надломленного, уставшего и нуждающегося в любви. Ника тоже нуждалась в любви и тепле, и в ту ночь они будто обрели друг друга, начали узнавать заново. Возможно, они стали бы счастливой парой, но Никита уехал.

«Я не могу тебя отпустить. Что же я буду делать?»

«Ты так хочешь встретиться со мной вновь?»

«Хочу».

«Тогда я вернусь в тебе. Обещаю. Не знаю когда, но вернусь. Поняла?..»

И она поверила ему. Наверное поэтому так ждала.

Все, что осталось Нике, — это несколько его портретов, которые она сама же и нарисовала, и безумно дорогое кольцо из белого золота с россыпью бриллиантов. Ее персональная Северная Корона.

Ника вдруг увидела себя в Ариадне, которая горько плакала на берегу моря, поняв, что осталась одна. А в Тесее — Никиту. Как и древнегреческий герой, Никита верил в судьбу и предназначение.

Однажды у Ники уже было болезненное расставание — со своей первой любовью по имени Саша. Пять лет назад он бросил ее. Уехал по учебе в другой город. А потом внезапно написал сообщение:

«Ника, я нашел другую девушку, нам нужно растиаться. Прости, я правда тебя любил. И не забудь стереть номер. Вспоминать меня тоже не нужно. Будь счастлива, но без меня».

После этого Саша в жизни Ники больше не появлялся. Наверное, жил со своей новой подружкой в соседнем городе и наслаждался любовью.

Это было ужасно больно и обидно. Ника плакала часами, лежа в кровати. Только Сашу Ника забыть все же смогла, а Никиту забыть никак не получалось, хотя ничего серьезного их и не связывало — только фиктивные отношения, несколько горячих поцелуев и одна ночь. Рана в душе девушки была глубокой. Ведь если у Саши в руках был быстрый нож-флиппер, то у Ника — острый мясницкий тесак.

Почему-то тогда, два года назад, Ника думала, что все закончится хорошо. Никита ведь пообещал вернуться. Значит, сдержит свое слово. Но он пропал навсегда. Иногда Нику посещали мысли — а может быть, это она виновата? Может быть, ей нужно было найти нужные слова, чтобы уговорить его остаться? Или взять ее с собой. Однако голос разума все-таки брал верх. Никита не хотел подвергать ее опасности. Он действительно дорожил ею.

В мультфильме Ариадна, надев венец Северной Короны, выходила замуж за довольного Диониса. Бог был рад, что обманом спровадил Тесея куда подальше и теперь царица принадлежит только ему. Однако в лучших традициях жанра победило добро — Тесей и его команда вернулись за Ариадной. И теперь герой был решительно настроен на то, чтобы вернуть царицу. В очередных приключениях он осознал, что ради любви готов пойти против воли самих богов. К тому же его поддержал Посейдон, которому не понравилось, что брат и племянник обвели его сыночка вокруг пальца. В честном бою Тесей победил Диониса и вместо него женился на Ариадне в храме богини любви. Северная Корона раскололась, и ее бриллианты превратились в звезды — воцарившись на небе, они напоминали о том, что любовь Тесея и Ариадны победила судьбу.

В конце мультфильма Нике стало смешно. Она читала древнегреческие мифы и помнила, что женой Тесея стала сестра Ариадны Фебра, а сама Ариадна то ли повесилась с горя, то ли вышла замуж за Диониса — версий было несколько.

Из кинотеатра Ника выходила с радостью — наконец она свободна!

— Как тебе? — спросила жутко довольная Марта, беря сестру под руку.

— Не очень. Тесей идиот, Ариадна тоже не в себе. Минотавр милаха. А Диониса жалко... Он ведь любил эту дурочку.

— Дионис не был честным. Он пытался заполучить Ариадну хитростью! — возразила Марта. — А в любви важна искренность. И вообще, вечно тебе ничего не нравится.

— У нас слишком разные вкусы. В следующий раз я сама буду выбирать, на что мы пойдем, — ответила Ника, предвкушая, как они пойдут на какой-нибудь ужастик. Марта будет пищать от страха!

Болтая, девушки спустились по эскалатору на первый этаж, заглянули в несколько магазинчиков. Ника купила комплект нижнего белья, Марта — духи с ароматом ванили и яблок. А потом они решили зайти в какое-нибудь кафе. Они вышли на улицу. Перед ними простиралась переполненная автостоянка, слева сияла вывеска известного ресторана быстрого питания, около которого толпилась молодежь, а слева находился дорогой ресторан с претенциозным названием «Милсдарь». Ника знала, что дизайн ресторана выполнен в роскошном дореволюционном стиле и блюда там стоят очень дорого. Перед рестораном остановилась дорогая машина. Оттуда вышел представительного вида мужчина в возрасте и его молодая спутница. Из ресторана выскочил мужчина в костюме и поприветствовал гостя, который, судя по всему, был важным:

— Добрый вечер, Даниил Юрьевич! Рады приветствовать вас с вашей прекрасной спутницей!

Мужчина и девушка скрылись в ресторане, а Марта сморщила чуть вздернутый носик.

— Блин, мне ее жалко! Он же ей в дедушки годится!

— Зато он очень богат, — усмехнулась Ника. — Так что не жалея эту девчонку. Она свое получит.

Марта хихикнула и спросила:

— А ты тоже хочешь пойти туда?

— В этот рестик? Нет, конечно, — ответила Ника со смешком. — Кто меня туда поведет? У меня богатого папика нет.

— Мы можем сами себя туда повести! — возразила Марта.

Ника весело рассмеялась. Сестренка явно не понимала размахов «Милсдаря».

— Знаешь, какие там цены? Половины твоей стипендии не хватит на ужин!

— С ума сойти, — пробормотала Марта и решительно направилась в сторону ресторанчика быстрого питания.

Вышли оттуда сестры спустя полчаса — сытые и довольные жизнью. На ходу Марта пыталась отыскать телефон в сумке, которая казалась бездонной. Тот никак не мог найтись. Впрочем, это было не ново — у девушки часто терялись вещи, ломалась техника или происходили забавные казусы. Она была творческой личностью — занималась музыкой и вечно витала в своих мыслях. Задумавшись, Марта могла проехать остановку, перейти дорогу на красный или перепутать автобусы. Она часто опаздывала и забывала имена знакомых. Как-то раз приготовилась не к тому экзамену. А в прошлом месяце машинально положила в сумку шоколад прямо в магазине. Наверное, кому-то другому подобные дела не сошли бы с рук, но только не Марте. Она была очаровательной

и нежной девушкой с искренней улыбкой, и от Марты исходила особая светлая энергетика. Девушка смешно извинялась, и на нее нельзя было долго сердиться.

— Нашла телефон? — спросила Ника.

— Почти. Сейчас...

Пока Марта копалась в сумке, мимо девушек неспешно проехал дорогой черный автомобиль с эмблемой «БМВ» на капоте. Он припарковался около ресторана «Милсдарь», и оттуда вышел молодой мужчина лет двадцати семи или восьми. Марта заинтересованно рассматривала его. Высокий, широкоплечий. Одет в белую рубашку и джинсы, на лице солнцезащитные очки. Волосы короткие, темно-каштановые, почти черные. Гладко выбритый, с волевым подбородком. Он крепко стоял на ногах, сунув руки в карманы. И Марту привлек не столько внешностью, сколько исходящей от него уверенностью и независимостью.

Почему-то Марте казалось, что рядом с таким любая девушка будет чувствовать себя уверенно.

— Смотри, какой классный, — восхищенно сказала Марта, найдя наконец свой телефон в сиреновом чехле.

Ника мельком взглянула на парня, который стоял к ним спиной, и пожала плечами. Если бы она пригляделась к нему чуть внимательнее, то, возможно, узнала бы. И тогда все сложилось бы иначе, но... Нике было неинтересно.

— Мне больше нравятся блондины, — заявила девушка.

Это была ложь. Ника не смотрела на цвет волос или глаз. Просто... Она все еще не могла забыть Никиту. Его светло-русые волосы, холодные серые глаза. Он стал ее наваждением. За эти два года она так и не завела отношения — ждала его. Ведь он обещал вернуться. Ника была веселой и эффектной, и парни часто обращали на нее вни-

мание. Писали, звонили, приглашали на свидания. С некоторыми из них Ника даже пыталась встречаться, но без толку. Никто не мог заменить Никиту. Каждый проигрывал ему. Ника ловила себя на мысли, что даже не может поцеловать другого — так противно становилось. Многие удивлялись, что у Ники никого не было, а та делала независимый вид и говорила, что хочет свободы. Отношения ей пока что не нужны, она хочет жить для себя.

— Но этот брюнет все равно классный, — возразила Марта. Его лицо показалось ей смутно знакомым. Может быть, какой-то актер или музыкант, как и она сама? Или бизнесмен, о котором писали в глянцевого журналов?

— И что в нем классного? — спросила Ника.

— От него исходит внутренняя сила, — зачем-то сказала Марта.

— Ты это на расстоянии поняла? Хочешь с ним познакомиться?

— Нет, конечно! Просто он мне понравился. Наверняка с моделями встречается...

Брюнет вдруг повернулся и снял солнцезащитные очки. Их взгляды с Мартой встретились, и девушку словно током ударило. Она почувствовала дикое смущение и поспешила отвернуться, вручив телефон Нике и продолжив копаться в сумке, — теперь уже в поисках наушников. Та закатила глаза, но ничего не сказала. Привыкла, что сестренка вечно все теряет.

Глядя себе под ноги, Ника не замечала, что брюнет, который понравился Марте, смотрит на нее в упор. Смотрит так, будто нашел сокровище, которое потерял.

Марта наконец нашла наушники, и сестры пошли через парковку в сторону парка. Сентябрь стоял сухой и теплый — самое время для прогулок среди украшенных золотом деревьев.

ЧХУГОН

Поднятие уровня в одиночку

Solo Leveling

♦ 1 ♦

Сон Чину, охотник Е-ранга. Это клеймо всегда преследовало его, что бы он ни делал. Он не отличался выдающимися способностями, разве что был посильнее обычных людей и быстрее восстанавливался после ранений. А ранен он был постоянно. Несколько раз даже находился на волосок от смерти.

Чину охотился явно не потому, что ему нравилось. Работа охотника — опасная и неблагодарная, да и платят за нее гроши. Если бы членам Лиги охотников не выделяли деньги на оплату больничных счетов, они бы с радостью сдали свои охотничьи лицензии и жили бы обычной жизнью.

Чину было почти двадцать пять. Он не обладал особыми талантами, но ему ничего не оставалось, кроме как вступить в ряды охотников, чтобы оплачивать больничные счета матери, которые приходили ежемесячно.

Разве у него был выбор?

В тот день Чину, стиснув зубы, участвовал в охотничьем рейде Лиги.

* * *

Большинство охотников, работавших в одном районе, хорошо друг друга знали, потому что обычно собирались

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

вместе перед открытием Врат. Пришедшие первыми потягивали кофе, который для них готовил сотрудник Лиги, и обменивались приветствиями.

— Эй, Ким, сюда, я здесь!

— О, Пак, что стряслось? Слышал, ты отошел от дел?

— А... Моя женушка внезапно забеременела.

— Ха-ха! Понимаю! Обычной работой сыт не будешь.

Охотник Ким залиvisto расхохотался. Пак немного смутился, но все-таки тоже засмеялся.

— Тебе не кажется, что в последнее время созывы Лиги происходят не так часто? Да и ворота открываются все реже?

— Что за ерунда. Просто в последнее время гильдии действуют активнее. Они всегда тут как тут, когда речь заходит о больших деньгах.

— Сегодняшним рейдом руководит Лига, но значит ли это, что мы в безопасности?

Слегка встревоженный охотник Пак огляделся вокруг.

Дело в том, что гильдии появляются только там, где водятся большие деньги, поэтому захватывать Врата низкого уровня, где нечем поживиться, гораздо проще.

Но ни в чем нельзя быть уверенным на все сто.

Не только Пак, но и остальные охотники тревожно обобщивались и озирались по сторонам.

— Даже не знаю... — ответил охотник Ким.

Допив кофе, он заметил кого-то вдалеке и приветливо помахал рукой.

— Эй, иди сюда. Сон! Сон!

Другие охотники тоже обрадовались его приходу.

— Здравствуйте, — сказал Сон Чину.

Он слегка кивнул охотнику Киму, который его пригласил, и прошагал мимо.

Последний, убедившись, что молодой охотник отошел, выдохнул, улыбнулся и начал разглагольствовать.

— Чину пришел. Теперь здесь точно безопасно.

Пак очень удивился.

— Это правда? Неужели Сон Чину настолько силен?

— А, точно, ты же не в курсе. Он пришел к нам через некоторое время после твоей отставки. Среди охотников нет того, кто бы его не знал.

— Так ты говоришь, что он сильный? Но тогда почему он служит в Лиге? Он мог бы устроиться в крупную гильдию или работать на себя.

Широко улыбавшийся до этого Ким с подозрением посмотрел на товарища.

— Ты что, не знаешь его прозвище?

— Откуда мне знать? Ну же, говори, не тяни.

— «Слабейшее оружие человечества».

— Ч-что? «Слабейшее оружие»? Может, наоборот — «сильнейшее»?

— Приятель, так называют охотников S-ранга, а Чину — именно «Слабейшее оружие». И, возможно, он вообще самый слабый охотник в стране.

— О чем ты? — нахмурился охотник Пак.

Если охотник Сон Чину действительно был таким слабым, почему же остальные так ему обрадовались?

Ведь в случае опасности он был вынужден прятаться за спинами других.

Пак непонимающе покачал головой, в ответ Ким улыбнулся и слегка подтолкнул товарища локтем.

— Послушай, Лига не дает «слабейшему оружию» сложных заданий. Если случится наоборот, то, значит, кто-то хочет его смерти.

После этих слов лицо охотника Пака просветлело.

— П-п-правда?

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

Он впервые за долгое время был на рейде и очень переживал за жену. Как, впрочем, и за себя. Но после разговора с охотником Кимом его немного отпустило.

А последний все продолжал свой рассказ:

— Ходит слух, что он был ранен у Врат Е-уровня и пролежал в больнице целую неделю.

— Охотник был ранен у Врат Е-уровня?!

— Я же тебе говорю. Никто и предугадать не мог, что кто-то там пострадает. Они даже целителей с собой не брали.

— И он пролежал в больнице неделю? Ха-ха-ха!

Охотник Пак широко улыбнулся, как вдруг Ким что-то заметил.

— Осторожнее, не то Сон тебя услышит.

Охотник Пак изучил лицо Чину и тихо захихикал.

К счастью, они стояли далеко, и, Пак решил, что их разговор никто не слышал.

Однако они просчитались.

«Я все слышал, господа охотники», — подумал Чину.

Но встретившись с ними взглядом, он сделал вид, что ничего не заметил, и улыбнулся.

В таких ситуациях его выдавали только покрасневшие уши.

Оставалось еще немного времени до начала рейда.

«Я что, слишком рано пришел?»

Чину, решивший скоротать время, заметил работника Лиги, который раздавал кофе, и направился к нему.

— Будьте добры чашку кофе.

— Сон, прошу прощения, даже не знаю, как так вышло. Кофе только что закончился.

«...»

Зимний ветер обжигал кончик носа. Чину потер его указательным пальцем. В этот унылый день даже кофе закончился именно на нем.

* * *

— Чину, почему вы так держитесь за эту работу?

— Извините, — сказал Чину, потупив взгляд.

Девушку звали Ли Чухи. Она накладывала на него лечебное заклинание, при этом ее мрачное лицо выражало явное недовольство.

— Я спрашиваю вас не потому, что хочу услышать извинения. Я искренне переживаю. Если так и дальше продолжится, я уже буду бессильна.

Чину смотрел за другими охотниками из-за спины Чухи. На этот раз Врата вели в подземелье уровня D. Десятки охотников, не особо напрягаясь, боролись с чудовищами в Подземелье. Но для охотника Е-ранга Чину эта задача казалась непосильной. Обычно в тылу ждали целители, которые охотников от ран. Чину получал ранения в каждом рейде, поэтому среди них он слыл своего рода знаменитостью.

— У вас хотя бы есть причина, по которой вы не можете оставить это дело? — осторожно спросила Чухи.

Чину твердо кивнул. Он не любил откровенничать с посторонними.

— Мне нравится охотиться. Думаю, без этой работы я бы уже помер со скуки.

Чухи надула губы.

— Если продолжите так развеивать скуку, точно отправитесь на тот свет.

Удивленный Чину не выдержал и расхохотался.

— Эй, не смейтесь, я что вам говорю! Рана же откроется! — сразу одернула его Чухи.

— Где вы таких слов набрались? — хихикая, спросил Чину.

— Не знаю, где-то... А, вспомнила — охотник Ким как-то сказал.

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

— А, вот в чем дело...

За громким смехом и разговорами лечение подошло к концу. Но уже было поздно. К тому времени охотники полностью взяли рейд под свой контроль.

«Сегодня я еле-еле убил одного монстра. А оно — Е-ранга».

Чину вертел в руках кристалл.

Камень самого низкого качества, завоеванный в подземелье Е-уровня, и десяти тысяч вон не стоил. Бессмысленно рисковать жизнью ради столь мизерного вознаграждения.

«А вот кристалл, который можно добыть хотя бы на С-уровне, стоит сотни тысяч вон...»

Но он был недостижим для Чину, который едва ли дотягивал до своего Е-ранга.

В этот момент кто-то воскликнул:

— Не может быть! Тут есть еще один вход?

Охотники хлынули туда толпой.

— А, что?

— Правда еще один вход?

Внутри подземелья скрывалось другое подземелье.

Сон, который отдал охоте десять лет, был довольно опытен, что было заметно по начавшей пробиваться седине. Он с удивлением смотрел на вход.

— Подземелье в подземелье... Так оно действительно существует!

Внутри пещеры стояла непроглядная тьма. Охотник Сон с помощью магии создал огненный шар и запустил его внутрь. Шар внезапно взлетел и осветил пещеру. Дорога вела куда-то далеко вглубь. Огненный шар, потеряв тягу, упал на землю, затрепетал и погас. Пещера опять погрузилась во тьму.

— Хм... Я проверю, а остальные пока ждите.

SOLO LEVELING

Будучи прирожденным лидером, Сон созвал всех своих товарищей. Чину и Чухи, наконец закончившие лечение, присоединились к остальным.

Сон оглядел охотников и заговорил:

— Как вы все знаете, пока не убьешь босса, Врата не закроются. Мы все здесь зачистили, но ворота еще целы, значит, босс прячется там, внутри.

Он указал на тайный вход в подземелье. Охотники переглянулись и кивнули в знак согласия. С этим не поспоришь.

Охотник Сон продолжил:

— Вообще в таких случаях надо докладывать Лиге и ждать их решения... Но, если поимку босса доверят другим, мы заработаем намного меньше.

Охотники скривились.

Особенно ожесточилось лицо Пака, который очень нуждался в деньгах — ведь его жена была беременна.

«Сколько же сейчас стоит послеродовой уход?»

Пропадал всякий смысл рисковать жизнью и идти в рейд.

— Поэтому мы сами избавимся от босса... Что думают остальные? — поинтересовался Сон.

Охотники задумались.

«...»

«...»

Безусловно поймать его будет непросто, поэтому никто не мог гарантировать безопасность.

Но ведь уровень сложности этого подземелья очень низкий.

А это значит, что уровень потайного подземелья тоже не может быть особо высоким.

— Кх-кх, — привлек к себе внимание Сон, — всего нас семнадцать человек, давайте проголосуем. Но после принятия решения не жалуйтесь. Как вам такая идея?

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

Его предложение всем пришлось по душе. Никто не возражал.

— Я иду, — Сон первым поднял руку.

Люди, оглядываясь друг на друга, по очереди поднимали руки.

— Я тоже.

— И я.

Пак проголосовал в числе первых, Ким и другие товарищи тоже подняли руки.

К счастью, были и несогласные с этим решением.

— Я не пойду.

— Разве не лучше сначала дождаться вердикта Лиги?

Число проголосовавших «за» и «против» было примерно равно, в конце концов очередь дошла до Чину и Чухи — они были последние, кто еще ничего не сказал.

— Извините... — Чухи кивнула Сону и проголосовала против похода.

Счет был 8:8. Ничья.

Сон обратился к сомневающемуся Чину:

— Что ты решил?

Теперь все зависело только от него.

Чину покрутил кристалл Е-уровня, который он держал в руках, и оглянулся вокруг.

Чухи лишь покачала головой.

В воздухе витало напряжение. Стоит признаться, сам Чину тоже нервничал. В обычной ситуации он бы никогда не подверг себя опасности. Он не обладал ни необходимыми навыками, ни запасом храбрости.

Но у Чину была младшая сестра, которая была просто обязана пойти в университет.

«У меня нет никаких накоплений...»

Когда пришло время продолжить учебу, у него не было денег, поэтому парень оставил мысли о поступлении в высшее

SOLO LEVELING

учебное заведение. Но для своей сестренки он желал только лучшего.

Ради нее они ни копейки не пожалеет.

Не только охотнику Паку нужны деньги.

Чину поднял руку и заявил:

— Я пойду.

В этот момент сбоку кто-то тихо ахнул.

Не было видно ни конца, ни края пути. Вслед за лидером группы, Соном, шли сильные бойцы.

Он освещал дорогу маленьким огненным шаром, который умещался на его ладони.

Ким, который шел рядом, поинтересовался:

— А мы не далеко зашли? Надо подумать о времени, за которое мы успеем безопасно выбраться отсюда.

— Как долго мы уже идем?

— В сумме... примерно минут сорок.

— Как я и предполагал.

Покачивав головой, Сон без единого слова указал большим пальцем в противоположную сторону:

— Ким, впереди темно, поэтому идите за мной.

Последний, бросив косой взгляд на огненный шар Сона, вытащил из-за пазухи телефон и включил фонарик.

Дорога стала уходить вниз.

Поочередно посмотрев на огненный шар и фонарик, охотник Сон молча стал рыться в кармане.

* * *

Чину, который только оправился от тяжелого ранения, и ничего не смыслившая в бою Чухи плелись в конце колонны.

— Вы это... Простите меня, ладно? — Чину почесал свой темноволосый затылок.

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

— За что?

— Что завел вас сюда против вашей воли.

— Все хорошо, не переживай.

Чину украдкой взглянул на Чухи. Выражение ее лица говорило об обратном. Осмотревшись, Чину вновь изучил ее лицо и осторожно спросил:

— Точно все хорошо?

Чухи резко обернулась.

— Конечно же нет. Вы в своем уме? Если бы удар, который вы недавно получили, пришелся чуть выше, у вас бы уже была дыра в сердце. А что насчет ранений на запястье и бедре? Я их только вылечила, а вы опять идете в подземелье? При этом даже не представляя, что вас ждет?

Чину оторопел от ее пламенной речи, но она была права.

Чухи редко показывалась в Лиге, но, если бы этого прекрасного целителя В-ранга не было, на некоторое время можно было бы забыть не только про охоту, но и про нормальную жизнь.

«Выходит, я обязан Чухи жизнью».

Каждый раз, когда в Лиге появлялись очередные Врата, именно ее просили лечить охотников, и почти всегда во время рейда Чину был в числе ее пациентов.

— Больно? Немного потерпите.

— Кажется, мы уже виделись... Может, в прошлый раз?

— Вы опять ранены?

— Что-то вы зачастили.

— Вас же Чину зовут, так? С вами все в порядке?

— Может быть охота — это не совсем ваше...

— Опять вы.

— Вытяните руки. О-ох, дома замотайте. Особенно там, где она почти сломана.

SOLO LEVELING

В этот раз помимо благодарности его мучило чувство вины.

«...»

Чину был подавлен, да и Чухи чувствовала себя виноватой за то, что вспыхнула, поэтому она немного смягчилась.

— Вам правда жаль?

— Да.

О чем-то задумавшаяся Чухи посмотрела на Чину, уголки ее губ дернулись вверх.

— Ну если вам жаль... Может тогда пригласите меня на ужин?

Это было очень неожиданное предложение.

Чухи сама не ожидала от себя такого, ее взгляд стал игривым, как у школьницы.

«Совсем как маленькая...»

Чухи была совсем молоденькой.

В следующем году ей, кажется, исполнится двадцать?

Если постричь ей волосы и переодеть в форму — будет вылитая школьница.

В его глазах стоял образ Чухи в форме, и отчего-то лицо запылало румянцем.

Чину несколько затянул с ответом, поэтому Чухи надула щеки.

— Неужели Вы не хотите поужинать со мной?

И в этот самый момент.

Поднялся галдеж.

— Вот она!

— Комната Босса!

Чину и Чухи пытались что-то разглядеть впереди.

Путь преграждала гигантская дверь.

Охотники собрались возле нее.

— Не может быть, дверь в конце пещеры?

— Все еще существуют комнаты с дверьми?

ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ В ОДИНОЧКУ

— Я впервые такое вижу...

— А... это не опасно?

«Ох».

Охотниками овладело беспокойство. Они постоянно рисковали жизнями, поэтому им приходилось быть очень осторожными.

Но так дело не закончить.

Охотник Сон решил, что это был именно тот случай.

— Мы что, пришли сюда для того, чтобы вернуться ни с чем? — он положил руку на дверь. — Надо завершить начатое. Я могу и в одиночку пойти.

Сон был охотником С-ранга со стажем более десяти лет.

Он был не слишком стар, и обладал навыками, которые позволили бы ему служить в крупной гильдии.

Его уверенность в себе немного снижала напряжение среди охотников.

— Подумайте об этом, — добавил он.

Несколько охотников вспомнили слухи, которые ходили о двойных подземельях.

— Слышал, что там водятся невиданные сокровища.

— А я слышал, что после обнаружения таких подземелий малые и средние гильдии становились крупными.

— Монстр находится примерно в одном и том же месте на всех уровнях, поэтому, кажется, охота не должна быть сложной.

Если вдруг слухи правдивы, и в двойном подземелье действительно прячутся несусветные богатства, достаточно ли рангов E и D, чтобы драться со злом, которое там скрывается?

«Я не могу позволить ему забрать всю добычу в одиночку».

«Что бы ни случилось...»

«Мне надо оплатить пребывание в центре послеродового ухода, заплатить за дополнительные занятия старшего ребенка, а еще и квартплата вырастет...»

SOLO LEVELING

Интересы охотников совпадали.

Чину тоже всем своим видом показывал решительность.

«Я не могу вернуться только с кристаллом E-уровня. Мне надо найти еще один, минимум D-уровня, или хотя бы еще один E».

И не обязательно, чтобы появлялся монстр.

«А если там будет сокровище...»

Найденные в подземелье богатства было решено поделить поровну между охотниками.

Такой подход отличался от обычной охоты, где каждый был сам за себя и брал только то, что сам нашел и отобрал у противника.

«Вот заберу отсюда кристалл, и все сразу станет лучше».

Чухи посмотрела на мрачное лицо Чину и спросила:

— Именно так выглядят те, для кого работа охотником — всего лишь хобби?

— Сейчас все рискуют жизнью. И не важно, хобби это или нет.

— Ты в этом так уверен?

Чухи недоумевала, но в этот момент Сон начал двигать дверь в подземелье и открыл ее.

Кр-р-р-р-р-р-р-р!

Непонятно, какой механизм был установлен в этой двери, но даже пожилой человек смог ее легко открыть.

Скри-ип!

Дверь открылась, все увидели просторную комнату.

Охотники поспешили войти внутрь.

— Пойдемте тоже.

Чину взял Чухи за руку, переживая, что она может сбегать, и повел ее внутрь.

— Ай!

Чухи покраснела и вошла внутрь.

ЯНА ЛЕТТ

ПРЕПАРАТОРЫ

ЗОВ ЯСТРЕБА

ЭРИК СТРОМ. ОХОТА.

Четвёртый месяц 723 г. от начала Стужи.

Они дважды проверили всё, как обычно, прежде чем подойти к зоне подготовки у развилки коридора, как всегда уводящего Эрика направо, а Рагну — налево.

— Ты меня видишь?

— Да. Ты меня?

— Да.

Эрик скользнул пальцами по её руке, проверяя разъём под кожей, а потом она сделала для него то же самое.

— У тебя новый эликсир, так? — Рагна, сощурившись, разглядывала шприц. От неё никогда ничего не ускользало.

— Да. Экспериментальный. Из рогов эвеньев и хаарьей желчи. Пока не испытан... Но кропарь, который дал мне его, сказал, что всё должно пройти как по маслу.

Рагна покачала головой.

— Мне это не нравится. Зачем ты всё время лезешь на рожон? В прошлый раз всё и так было отлично.

Он пожал плечами:

— Путь — это развитие. Развитие — это путь. Неужели тебе самой не любопытно?

— Любопытство? Я бы назвала это по-другому. Тягой к саморазрушению, например. Или попросту глупостью, — она всё равно нажала на поршень шприца, потому что ему было не с руки, как делала каждый раз перед охотой. Эрик судорожно вздохнул, поморщился.

— Да брось, — он потянулся, чувствуя, как новый эликсир растекается по венам, горячий, щекочущий, едкий. — Всё будет отлично. Я доверяю этому кропарю.

— Лучше бы ты мне так доверял. Я, в отличие от него, не даю самоубийственных советов.

— Тебе я доверяю больше, чем себе, и ты это знаешь.

Она кивнула и протянула ему руку разъёмом вверх.

— Мне как обычно.

Некоторое время они посидели рядом, оперевшись друг на друга, ожидая, пока эликсиры подействуют, а препараты в их телах запоют, откликаясь на горячий разгон крови, быстрее бегущей по жилам.

Вдруг Рагна коснулась его руки, и он крепко сжал в ответ её пальцы.

— У меня дурное предчувствие, — тихо сказала она. — И в последнее время оно, знаешь ли, усиливается.

— Не о чем волноваться, — откликнулся он, хотя вовсе не был в этом так уж уверен. — Всё будет, как обычно. Мы всё проверили. И...

— Я не об этом. — Рагна на него смотрела. Её глаза, синий и золотистый, были устремлены куда-то вбок, как будто там, на белой стене, творилось что-то, что не дано было разглядеть никому, кроме неё. — Я о том, что творится в последнее время, Эрик.

Он молчал — не хотел обижать её ложью.

— Я не знаю, куда ты ведёшь нас, — продолжила она, — и чего добиваешься. Я никогда не задаю вопросов. Ты — мой ястреб так долго...

— Четыре года.

— Для препаратора — целая жизнь, — возразила Рагна с несвойственной ей серьёзностью. — Я верю тебе. И никогда не задавала вопросов. Но... Теперь я беспокоюсь за нас обоих. Скажи мне, что я волнуюсь зря. Скажи, что беспокоиться не о чем.

Эрик молчал, и она вздохнула:

— Почему-то я так и думала.

Они ещё немного посидели молча, прижимаясь друг к другу, и Эрик подумал, что наслаждается её запахом так, как наслаждался бы, наверное, запахом матери — близким, привычным. Запахом дома.

Ей — и только ей — ему хотелось сказать как можно больше.

— Мне хотелось бы сказать тебе как можно больше. Но...

— Как всегда «но», — проворчала она, пихая его в бок и роняя голову ему на плечо. — Стром, всё это тянется слишком давно. Ты сам это знаешь. Я насчитала уже три случая, когда ты повёл нас туда, где не было и не могло быть снитиров.

— Все иногда ошибаются.

— Ты никогда не ошибался.

— Видимо, я начинаю стареть. Или, может, препараты влияют на мой мозг?

Она закатила глаза.

— Работа твоего мозга определённо всегда вызывала у меня опасения, но препараты тут не при чём. В тебе их меньше, чем во мне, раза в три. Я вообще не знаю никого, кому всё это давалось бы легче, чем тебе, и это ты тоже знаешь.

Эрик удержался от реакции на это «легче». Рагна знала его слишком хорошо, и это была не первая её — и далеко не самая удачная — провокация в попытке узнать, какую цену он платит за своё исключительное *усвоение*.

— Стром, в Стуже мы ходим не туда, куда нужно, а в Химмельборге, наоборот, стали вести себя неожиданно прилично. Тише весеннего снежка. С чего бы это?

— Мне казалось, приличное поведение пошло нам обоим на пользу.

Она с наслаждением потянулась, и он услышал, как ус вала в её левой руке, туго переплетённый с венами, негромко гудит, запоздало отвечая на зов эликсиров.

— Есть немного. Я говорила, что завтра вечером встречаюсь с Хасаром? Это будет уже в третий раз.

— Звучит как серьёзные отношения.

Рагна снова пихнула его в бок:

— Не смейся. Может, и так. Служба закончится. Уйду в отставку. Заведём маленький дом в пригороде. Белые цветы... — её язык слегка заплетался. Тело настраивалось и перестраивалось — рассыпалось, чтобы уже скоро собраться воедино вновь — сильным, неуязвимым.

Эрик сильно сомневался в том, что мечте о белых цветах в пригородном палисаднике суждено сбыться. Совсем не потому, что Хасар должен был непременно оказаться таким же козлом, как все, в кого его охотнице не посчастливилось влюбиться — непобедимая, уверенная, расчётливая на тренировках и в Стуже, в столице, среди людей она, как по волшебству превращалась в робкую и неуверенную в себе недотёпу — или тем более не потому, что не верил в Рагнины силы. Она — определённо из тех, кому Стужа покорилась, но вряд ли из тех, кто сумеет от Стужи уйти.

— Я буду очень скучать по тебе. Интересно, мне можно будет навещать вас?

— А то.

— Все твои мужчины меня недолюбливают. Хасар исключение?

Конечно, время от времени они с Рагной спали друг с другом. Чаще всего — возвращаясь из особенно плохих переделок в Стужу. То, что тогда случалось между ними, было совсем не похоже

на любовь — вряд ли это вообще мог бы понять хоть кто-то, ни разу не бывавший в Стуже.

Ревновать там было не к чему — Эрик был бы счастлив, найди Рагна кого-то особенного. В отличие от него, она-то всегда к этому стремилась, несмотря на препараты, эликсиры, Стужу, постоянную боль, тренировки, на то, что медленно, но верно происходило с её телом. Несмотря ни на что.

И всё же — на месте её мужчин — он бы тоже ревновал Рагну. Они с Рагной были незаменимы друг для друга в стольких смыслах уже давно. Такое и вправду невозможно повторить с кем-то ещё.

— Хасару я про тебя особо не распротра... Распространяюсь.

— Ты уже почти готова. Голова не кружится? Скоро идти.

— Ты опять заговорил мне зубы. Как всегда. — Она хихикнула, а потом вдруг разом посерьёзнела — эликсир разошёлся по её телу, и взгляд стал жёстким, цепким, колючим, каким не бывал за пределами распределителей и Стужи.

— Стром, скажи мне правду. Что ты... — она помедлила. — Что *мы* ищем в Стуже?

Итак, вот оно. Рагна открыто предложила ему союз. Союз, который он сам предложил бы ей давным-давно — ничего ему не хотелось больше, чем посвятить её во все свои мысли, ни один союзник не был ему нужнее — если бы не то, из какой семьи она происходила.

Рагна никогда не гордилась родством, которым хвастал бы напропалую любой другой, почти не поддерживала связей с семьёй... И всё же, если дойдёт до дела, что окажется для неё важнее — кровь или союз препараторов?

Он стал слишком подозрительным, слишком недоверчивым? Возможно. Но Эрик Стром не мог рисковать, не будучи абсолютно уверенным в ответе.

Она вздохнула, и он почувствовал, как плечу стало холодно без тёплой тяжести её головы.

— Ты не доверяешь мне даже после всего того дерьма, через которое мы годами проходим вместе. Это... Обидно.

— Это не так.

— Это так. — Она покачала головой. — Что бы ты ни делал, чего бы ни искал, ты не можешь бесконечно справляться со всем один, Стром. Однажды ты это поймёшь.

Он вдруг посмотрел на Рагну, как будто впервые.

От глаза орма по коже расходятся тонкие золотистые лучи, как будто зрачок запрятан в глубину маленького яркого солнца. Обе руки, от кистей до локтя, испещрены узорами — пятнами, идущими от разёма, изгибами валового уса, чёрными брызгами эвеневых жил. Эрик знал, что такие же чёрные жилы туго переплелились под её правой грудью, что под коленом, если знать, где коснуться, вечно еле заметно вибрирует частица бьерана, убитого ими годы назад. Помнил очертания татуировки, сделанной кровью ревки, — путеводной звезды, знака ястребов и охотников, который они набили вместе на исходе их первого общего года. Знал, где искать шрамы в тех местах, где препараты не прижились или начали отторгаться через время — белые одинаковые аккуратные стежки, такие же, как и у него самого: ими занимался один кропаль, ушедший теперь в отставку.

Он представлял её голой без возбуждения или стыда — только с чувством глубокой печали.

Хасар, снявший с неё одежду — Рагне нравилось, когда её раздевали — изучал её тело, как диковинку? Чувствовал ли он болезненное, гадливое возбуждение, похожее на возбуждение мальчишки, представляющего одинокими ночами всякую грязь? Рассказывал ли друзьям о том, что теперь спит с охотницей?

Эрику не раз доводилось удовлетворять чужое любопытство такого рода. Он знал, каково это, — но это никогда не ранило его глубоко. Он-то, в отличие от Рагны, не искал ни сочувствия, ни нежности, ни тем более любви.

Эрик с трудом поднялся — в нём самом эликсиры всё ещё бурлили, прокладывая тайные тропы в теле, изучая его и друг друга — и, нашарив Рагнину руку, сжал в своей.

— Ты права, — сказал он ласково, про себя подумав: «Глупо будет, если я и вправду совершаю ошибку». — Прости. Мы по-

говорим, когда вернёмся. И я расскажу... То, что ты хочешь узнать. По рукам?

Она кивнула — мигнуло солнышко на её лице.

— По рукам, Стром.

Он и не ожидал, что ему сразу станет настолько легче — как будто тяжесть упала с плеч. До этого момента Эрик и не осознавал, как сильно в глубине души хотел довериться ей.

— Тогда — двух дорог и горячего сердца.

— Двух дорог и горячего сердца.

Новые рекруты редко прощались так, но они с Рагной отдавали должное старым традициям. С чего бы годами приносившим удачу ритуалам перестать работать сейчас?

Эрик привык думать о себе — да и о ней — как о глубоких стариках, хотя ни один из них пока не перешагнул порог тридцатилетия. Ещё одна издержка жизни препаратора — одна из десятков других.

— Мы с тобой — как старые супруги, правда, Стром? — сказала она, будто прочитав его мысли. — Может, это с тобой мне надо задуматься о домике в отставке, а?

— Может быть. — Он в последний раз проверил её разъём, свой разъём, *увидел* её — Рагна связь уже открыла — и взъерошил её короткие светлые волосы. — Ладно. Увидимся на той стороне.

— Да. Выход тридцать один.

— Тридцать один.

Она ни разу не оглянулась, идя по рукаву коридора, ведущего к площадке, с которой охотников забирали, чтобы отвезти ко входу в Стужу. Рагна была профессионалом — он учил её сам — и Эрик знал, что она уже не думает ни о нём, ни об их разговоре.

Сам он несколько раз глубоко вдохнул, выравнивая сердечный ритм, прикрыл глаза, погружая мир в полумрак, и зашагал по своему рукаву. Его путь лежал к лётному залу — каждая пара охотник-ястреб всегда приходила на охоту по заранее заданным коридорам и в заранее оговорённое время. Паре нужно было сонастроиться, и не стоило мешать друг другу.

Но теперь пора встретиться с другими ястребами, которым предстояла сегодня охота. Чем ближе Эрик Стром подходил к лётному залу, тем лучше слышал ровный деловитый гул — бормотание кропарей, чей-то нервный смех, жужжание инструментов, специфический звук капсул, больше всего похожий на тихое всхлипывание.

Он почувствовал знакомый зуд, горьковатое, терпкое возбуждение. Запах его тела изменился. Зрачки расширились. Волосы на теле и голове приподнялись, и по коже побежали мурашки.

Иногда он ненавидел себя за то, до какой степени любил всё это.

— Стром! Капсула тридцать один.

— Иду.

Новый кропарь — полный, неповоротливый, с постоянной одышкой — помахал рукой, похожей на связку колбасок.

— Как самочувствие?

— Полный порядок.

— Что-то новое в составе?

— Нет, — Стром соврал, не моргнув глазом. Его прежнего кропаря провести было бы куда труднее, но с этим они были знакомы слишком недолго и пока не успели друг друга изучить. Не слишком хорошо для охоты — но у всего есть две стороны.

— Хорошо, хорошо. — Пухлые пальцы одной руки с неожиданным проворством бегали по кнопкам на панели капсулы, пока другая деловито ощупывала разъём, мерила пульс, прикладывала трубку к сердцу. — Всё хорошо. Пульс немного учащённый... Ты нервничаешь?

— Нет.

Прошлый кропарь не стал бы об этом спрашивать. Стром никогда не нервничал перед тем, как отправиться в Стужу.

— Принимал какие-то лекарства? Снисс? Другой алкоголь?

— Нет.

Кропарь оторвался от кнопок и сделал пару пометок в блокноте. Кажется, он колебался, но всё же кивнул.

— Всё в порядке. Можешь проходить.

В лётном зале было прохладно, и Эрик привычно поёжился, снимая камзол, рубашку, сапоги, штаны и, наконец, бельё. Слева от него раздевалась пышногрудая ястреб по имени Лоис, с которой они пытались сработаться лет пять назад, и с тех пор не ладили. Эрик отогнал от себя мысль взглянуть разок на её грудь — скорее из вредности, чем из любопытства. В лётном зале препараты не смотрели друг на друга — это было не принято. Каждый был сосредоточен на предстоящей охоте.

Зато взгляды кропарей, цепкие и липкие, мелькали, казалось, повсюду. Они то и дело останавливались не только на своих ястребах, но и на чужих. За указание на чужой просчёт полагалась премия — и кропари совершенно не стеснялись высматривать ошибки в работе друг друга. Слишком высока была у этих ошибок цена.

Кропаль Строма закрепил несколько уловителей у него на теле, пристегнул трубку к разъёму.

Капсула приглашающе всхлипнула, почувствовав приближение ястреба. Она была сделана из огромного валового желудка, покоившегося на постаменте из костей вурров, бьеранов, эвеньев. Жилы мелких снитиров пронизывали стенки капсулы, как реки — поверхность старой карты. Несколько впаянных в неё поверху целиком элемеров — все называли их попросту «птичками» — тянули к Эрику свои мёртвые головки, разевали клювы, как будто им тоже не терпелось начать охоту.

В боку капсулы, как открывшиеся навстречу поцелую большие влажные губы, прорезалась щель. Каждый раз, готовясь к охоте, он представлял, будто заново забирается в материнское лоно — чтобы потом, вернувшись живым и с добычей, родиться заново.

Однажды он поделился этим с Рагной и она сказала, что ему нужно меньше думать об этом за пределами Стужи.

В этом и была разница между ними. Для него мира за пределами Стужи никогда по-настоящему не существовало. Весь мир был частью Стужи, пока она владела материком. Не наоборот.

Внутри капсулы было тепло, даже жарко, и Эрик лёг поудобнее, стараясь не смотреть в сторону кропая, внимательно поглядывающего то на него, то на показания экрана и огоньки кнопок на панели.

Капсула снова всхлипнула, закрываясь, и начала источать нежную слизь, такую лёгкую, что, прикасаясь к коже, она напоминала пар в бане. Остро запахло рыбой и свежескошенной травой. Капсула заполнялась стремительно, и Эрик открыл рот, позволяя слизи скользнуть внутрь, заполнить его целиком. Прикрыв глаза, он представлял себе, как она заполняет носоглотку, движется по пищеводу, оседает в желудке. Он задышал размеренно и глубоко, отдаваясь, растворяясь в пространстве капсулы. Мыслей не осталось. Его как будто больше не существовало — возможно, именно за это он любил — и ненавидел — охоту больше всего.

Не было уже ни лётного зала, ни потеющего кропая, ни всего центра препараторов, ни Химмельборга, ни Кьертании. Только Стужа, открывшая ему объятия...

И он полетел к ней.

Сначала, как всегда, было темно. Неестественная чернота — такой не добиться, даже занавесив все окна в комнате, даже изо всех сил зажмурив глаза.

Эрик Стром летел сквозь эту черноту, растворённый в ней, пока не чувствуя чьего бы то ни было присутствия — что уж там, даже своего. Он был ветром, холодным ветром, вихрем снежинок, звоном льда, ледяной волной, навсегда застывшей на пике полёта.

Некоторое время он двигался в тишине, а потом мир вокруг заполнили звуки — Стужа жила, дышала, пела, и этого не мог знать никто из тех, кто видел её только издалека, кто никогда не входил в неё — и не впускал её в ответ.

Сквозь тьму проступили первые контуры, очертания, лёгкие мазки мира Стужи. Уходящие в бесконечность ледяные горы и реки, холмы, окутанные снегом, груды прозрачных звонких льдинок, певуче катящихся друг за другом от малейшего движе-

ния ветерка. Все оттенки белого — не бывавший внутри Стужи не знает, что у белого вообще существует столько оттенков.

И серебрение — лёгкое звёздное мерцание на всём вокруг, отличающее слой Души.

Эрик осторожно опустился на снег — снег не скрипнул, не просел так, как на слое Мира, куда выходили охотники. Теперь он чувствовал себя — видел свои ноги и руки, моргал, дышал. Он чувствовал даже сведённые брови — так, как будто всё это было настоящим, телесным.

Ему не было холодно. Отделившемуся от тела призраку не страшен даже самый жестокий мороз Стужи. Впрочем, и для него здесь хватало угроз, не прощающих ошибок, — ошибок, отвечать за которые придётся беззащитному телу, плавающему сейчас в лёгкой зелёной слизи, пахнущей рыбой и травой.

Эрик Стром потянулся, чувствуя, как где-то там, далеко, в жилах поёт и струится эликсир — его призрачная тень плавала сейчас в невидимых венах.

Он знал, куда идти. Но сначала нужно было найти её.

«Рагна. Рагна. Рагна».

Он повторял её имя снова и снова, нараспев, — не ртом, а всем своим прозрачным телом, которое словно бы стало резонатором, пропускающим через себя чужой зов.

Глаз орма в глазнице потеплел. Она откликнулась.

«Стром. Стром. Стром».

Теперь он видел ещё один слой Стужи — тот, что могла видеть в настоящий момент его охотница.

Это было то самое, о чём его постоянно расспрашивали богатые бездельники на балах и светских собраниях.

«Каково это — видеть два слоя Стужи одновременно, а находиться только в одном?»

Даже если бы он хотел объяснить это чувство кому-то из них, у него вряд ли бы получилось.

Он видел руки и ноги Рагны, чувствовал, как вздымается её грудь, как мёрзнет и разгорается румянцем её лицо, как

тяжело ей двигаться под трудом, с сумкой и плащом, как её ноги с каждым шагом глубже проваливаются в снег.

Будь он здесь физически, он мог бы коснуться её рукой. Слои Души и Мира никогда не сходились один в один, но расхождение было несущественным.

Ястреб мог видеть оба слоя — её и своими глазами — и они могли говорить, хотя и разговор этот не был похож на обычную речь. Их мысли текли, как вода, соприкасаясь друг с другом. Эрик скорее чувствовал мысли Рагны, чем слышал, время от времени выхватывая отдельное, самое важное.

Сам он тоже не забывал выделять, *подсвечивать* то, что было необходимо донести до Рагны.

«В сторону тридцать третьей. Тридцать третьей».

Она послушно двинулась туда, куда он сказал. Ему, его особым призрачным зрением, на своём слое было видно значительно больше, чем ей — на своём. Эрик видел мерцающие вдали души ревок — очень много, целая стая, но далеко, для Рагны не опасно. Ещё дальше, у самой линии горизонта, змеился сияющий след вала — он быстро шёл глубоко под снегом, время от времени выбрасывая вверх фонтаны мелких льдинок, острых, как бритва. Эти фонтаны были куда опаснее самого вала — самого крупного, но и самого миролюбивого из обитателей Стужи.

Сегодня вал их не интересовал, и Эрик двинулся дальше, не забывая слушать и *видеть* Рагну.

«Бьераны?»

«Нет».

Маловероятно, но возможно — Рагна могла заметить нужную добычу первой. Душа зверя могла на время спрятаться в тело, и тогда оказывалась бы недоступна ястребу на его слое.

Они двигались вбок и вглубь — по дорогам, прочерченным подземными течениями дравта, не нанесёнными ни на одну карту.

Конечно, попытки составить карты Стужи предпринимались с завидным постоянством — но постоянное изменение течений и рельефа позволяло расставлять лишь приблизительные вешки,

по которым они двигались сейчас. Рагна — продумывая каждый шаг. Он сам — внимательно всматриваясь в мерцающие движения дравта глубоко под землёй своим призрачным зрением в надежде вовремя предупредить её, если понадобится.

Увы, возможности зрения ястребов на слое Души были ограничены — и даже ему, с его исключительными способностями, приходилось ошибаться, как бы Рагне ни хотелось верить в обратное.

Но сейчас думать об этом не стоило. Они двигались в глубь Стужи, ястреб и его охотница, и Стужа приветствовала их треском наста, звоном льда, далёким бормотанием зверя.

Они шли долго — до сих пор, даже годы спустя, труднее всего из прочего в Стуже Эрику Строму давалось понимание того, как долго он в ней находится. Проще всего было сверяться с ощущениями охотника.

Рагне приходилось сейчас труднее, чем ему — она шла через снега Стужи в своей физической форме, и, хотя ощущения притуплялись препаратами и эликсирами, чувствовала и холод, и боль. Его черёд расплачиваться наступит позднее — когда он откроет глаза в капсуле из валового желудка.

Они миновали пятидесятую вешку. Прошли озеро Плач — один из немногих ориентиров, не менявших своё положение уже многие годы. Миновали Расколотый лес. Деревьев там, разумеется, никаких не было, но вставшие дыбом тонкие иглы льда высотой в три человеческих роста напоминали о них. Под Расколотым лесом вечно что-то тряслось, взрывалось, содрогалось где-то в земляных недрах, и границы и форма «леса» всё время менялись. Ещё одна проблема с ним — на слое Души он постоянно «гулял» туда-сюда, не желая полностью совпадать с Миром. Из-за этого следить за обоими слоями одновременно тут было очень трудно — даже из состояния относительного покоя.

Кажется, даже снитирам, плоть от плоти этого ненадёжного и вечно меняющегося мира, Расколотый лес был не по вкусу. Стайки элемеров и одинокие ревки — вот и все, кого там можно

было встретить. Но сейчас Эрик не видел никакого свечения. Возможно, в глубине — но сейчас это его не интересовало.

Рагна обходила лес по широкой дуге — приближаться к нему было бессмысленно, лишний риск.

«Стром».

«Рагна».

Эта переключка не имела никакого смысла. Рагна и без того знала, что он всё ещё здесь — чувствовала его присутствие своим пульсирующим нагретым левым глазом.

И всё же время от времени они окликали друг друга, не сговариваясь, не объясняя.

Я здесь. Ты не один.

Он вдруг вспомнил, как когда они только начинали ходить в Стужу в паре, она сказала: «Совершенно несправедливо, что ты видишь оба слоя через меня, а я через тебя — нет».

Тогда он отозвался: «Если бы кропари и механикеры сделали что-то с этой несправедливостью, мы, безусловно, стали бы непобедимы. Но до тех пор — работаем с тем, что есть».

В то время оба они верили, что до этого торжества прогресса — всего шаг, потому что каждая газета в Химмельборге пестрила сообщениями о новых и новых успехах экспериментальных методов. Но прошли годы, а новые впечатляющие разработки в этой области так и остались буквами на бумаге.

По докладам, исправно делающимся Десяти, Эрик знал, что некоторые кропари и механикеры не сдаются — но сам он давно уже не верил в их успех.

«Обойди глыбу слева. Справа — души эвеньев».

Их было много, пара десятков, не меньше — тела должны были находиться где-то неподалёку, хотя Эрик пока не видел их глазами Рагны. Охотиться на такое стадо парой, не отделив от него добычу, было самоубийственной затеей — кроме того, сегодня Эрик и Рагна пришли не за ними.

Рагна послушно повернула влево — быстрее, чем он успел до конца *высветить* мысль. С каждой новой охотой они чувствовали друг друга всё лучше, и Эрику досадно было думать

о том, что рано или поздно они наткнутся на предел возможностей ястреба и охотника, положенный их телами.

Но пока до этого было далеко.

«Завтра. Вечер».

Он сразу понял, что она хотела сказать, *высветив* именно эти слова. Рагна берегла силы, но Эрик легко представил себе, что она сказала бы ему, не будь в этом необходимости: «Шевели задницей, Стром. Я надеюсь вернуться к встрече с Хасаром завтра вечером, а не замёрзнуть тут насмерть».

Нет, Рагна не сказала бы «замёрзнуть тут насмерть». Как и все препараты, входящие в Стужу, она была слишком суеверна для этого.

«Вперёд».

Не время было думать о мужчинах или женщинах, тепле или постели, Химмельборге или возвращении в лётный центр, и он, ястреб, должен был напомнить об этом охотнице.

Сейчас есть только Стужа — и, чтобы Стужа позволила им вернуться домой с добычей, нужно отдаваться ей всем сердцем, а не мечтать поскорее уйти.

«Да».

Они продолжили двигаться вперёд. Эрик видел пар, вылетающий из Рагнинных губ, перед собой, и мерцание звёздного света слоя Души, и чёрно-белые равнины слоя Мира — а где-то там, в зелёном скользком нутре капсулы, его тело вертелось, как непоседливое дитя, не рождённое ещё на свет, от боли, отзвуки которой начали понемногу долетать до него, как далёкое, слабое эхо.

Неважно. Он начал чувствовать присутствие бьерана — кажется, даже более, чем одного, но им и одного хватит, даже лучше, если бьеран будет один, по крайней мере поначалу...

Эрик Стром заставил себя остановиться, почувствовать, одну за другой, ноги, руки — свои, а потом Рагны, и вернуться в равновесие.

«Порядок?»

«Да».

А потом это случилось. Свечение было неярким — но очень сильным, пульсирующим, как если бы одна из дорог, проложенных драгом, вырвалась из-под земли и повела из снегов прямо в небо, к далёким ледяным звёздам. Синее, зелёное, лиловое, беспокойное в беспрестанном движении, свечение звало его так настойчиво, будто появилось здесь для него одного.

«Эрик».

«Эрик».

И оно сияло левее и выше пятьдесят девятой вешки — там, где заканчивалась размеченная часть Стужи, и в стороне, противоположной той, где он почувствовал присутствие бьеранов.

Выходить за пределы разметок, преследуя снитиров, не запрещалось, но, как говорилось в своде правил, там «препаратор действовал на свой страх и риск».

Эрик Стром засмеялся бы при мысли об этом, будь для того подходящее время. Можно подумать, вступая в мир Стужи, хоть когда препаратор действовал *не* на свой страх и риск.

«Эрик».

Эта тяга была нестерпимой, и в ней растворялось всё остальное.

«Стром?»

Он вспомнил, что пообещал всё рассказать Рагне, и почувствовал радость. Ещё одна попытка — но теперь это казалось куда менее нечестным по отношению к ней.

«Влево. К пятьдесят девятой».

Она послушно двинулась влево. Пульс Рагны участился, и Эрик чувствовал, как солёный пот стекает вниз к её губам. Если бы не действие эликсиров и препаратов, её лицо покрылось бы ледяной безупречной маской уже через пару мгновений в Стуже.

«Порядок?»

«Да».

Но Эрик знал её, *был* ею, и понимал: стоит действовать быстрее. Рагна была не так собрана, как обычно. Что-то её отвлекало. Мысли о предстоящем разговоре? Встреча с Хасаром? Это он выяснит потом.

«За вешку. Вперёд».

Она помедлила всего мгновенье, но он заметил.

«Вперёд».

Охотник не должен сомневаться в ястребе — никогда. От этого зависит выживание обоих. Сам ястреб тоже не должен сомневаться в себе, поэтому Эрик Стром двинулся вперёд, туда, куда звало его свечение.

Он продолжал следить за мерцанием душ бьеранов — теперь он точно видел, что их двое, один покрупнее, другой поменьше — оставшихся позади. Их тел зрением Рагны видно не было — но бьераны никогда не разделяются надолго и не уходят далеко. За ними они с Рагной вернутся позднее — и тогда добыча будет готова к началу охоты.

Вперёд.

Эрика затрясло — смесь эликсиров как будто быстрее заструилась по призрачным венам, и по мерцающей коже бежали мурашки — тени, призраки настоящей дрожи, сотрясавшей его тело в валовой капсуле.

Он сплотнул и почувствовал вкус соли, как будто рот наполнился кровью.

«Эрик».

На этот раз — совсем близко. Он чувствовал это, как будто знал наверняка. Никогда ещё ему не удавалось подобраться так близко, и тяга стала нестерпимой. Быстрее, быстрее — его тело как будто превратилось в магнит, летящий навстречу гигантскому железному бруску. Сияние звало его, только его — на этот раз он настигнет его и получит вознаграждение за долгие годы поисков, наяву и во снах.

«Эрик».

Душа Стужи засветилась ярче, чем когда бы то ни было на его памяти. Теперь он видел всё. Движение каждой дравтовой жилки под землёй, даже на тех глубинах, что никогда прежде не были ему доступны. Следы душ, прошедших здесь когда-то давным-давно.

«Стром».

Тени тех, кто сгинул в Стуже. Они парили, тёмные и прозрачные, высоко-высоко в чёрном небе, завиваясь в бесконечные призрачные кольца, танцуя, маня, выпевая его имя.

«Стром».

Сияние звало его. Разгоралось всё ярче, как огромный, горячий, щёлкающий дровами костёр, пульсирующий теплом, яростью, ликованием.

Он видел ход времени — время проплывало мимо него белёсыми длинными ступками молочного света, толкалось, как пёс, приглашающий поиграть...

«Стром!..»

Он открыл глаза. И *увидел* Рагну.

Бьеран вскрыл её от шеи до паха. Внутренности выпали на снег, и от них в морозный прозрачный воздух Стужи поднимался пар.

«Рагна! Рагна! Рагна!»

Его душа кричала, кричала и кричала, сколько было сил. Он рванулся к бьерану, ещё не сознавая до конца, что помочь охотнице невозможно.

Сияние увело его далеко, слишком далеко от Рагны, и следуя за ним, он забыл о ней, о глазах орма, соединяющих их... Обо всём на свете.

Бьераны, несмотря на свой размер, только кажутся неповоротливыми. Когда нужно, они движутся очень и очень быстро. Их светлые тела легко сливаются цветом со снегами Стужи — и они могут долго оставаться в абсолютной неподвижности, выслеживая добычу.

Эрик Стром плакал и не чувствовал слёз — невидимых слёз на невидимом, призрачном лице.

Он всё ещё видел бьерана — и это было самое страшное. Это значило, что Рагна всё ещё жива.

Морда бьерана была перепачкана красным. Казалось, он улыбался. Его душа парила чуть выше, кувыркаясь в поднявшемся вихре снежинок, и пела от радости.

Его охота оказалась удачной. Тёмный нос, пасть, полная острых зубов, погружалась в Рагну снова и снова, и Эрик ничего

не мог с этим сделать. Все его препараты, все эликсиры — старые и новые — были сейчас бесполезны.

Где-то далеко, сейчас казалось — на другом свете, его тело содрогалось, ломалось от чудовищной боли, рвалось и булькало, захлёбываясь криком.

Он ушёл слишком далеко, поддавшись сиянию, положившись на свою волю — и совершил ошибку.

«Рагна».

Когда он наконец добрался до неё, бьеран уже убирался прочь. Он насытился, забрав самые лакомые куски, не хотел вступать в бой и теперь, почувствовав присутствие ястреба, стремительно скользил прочь, унося в себе свою душу. На уровне Души её больше не было видно.

Глаз в правой глазнице Строма гас, остывал — и в конце концов остыл целиком. Теперь он не видел бьерана — без Рагны он не мог видеть слой Мира.

Но тело и душа у снитиров не могли соединяться надолго — а значит, несмотря на то, что бьеран теперь знает, что его преследуют, рано или поздно она вернётся на его слой, и тогда они снова встретятся.

«Рагна».

Эрик преследовал бьерана долго — или верил в то, что преследует — с тупым упорством, идя наугад, не чувствуя ничего, через осыпающиеся горы льда, через тёмные равнины, сияющие дравовыми прожилками, через заполненные обманчиво твёрдым снегом овраги.

Его вернули в лётный зал в соответствии с протоколом — через несколько минут после смерти Рагны, показавшимися ему вечностью.

Эрик Стром, выпав из со всхлипом распахнувшейся капсулы, слепо полз по полу, уворачиваясь от рук кропарей, и повторял, что должен вернуться, на этот раз во плоти, на слой Мира — сейчас, немедленно, пока зверь ещё близко к телу Рагны, пока их обоих ещё можно найти. Эрик повторял, что должен идти, пока его кропарь, отдуваясь и кряхтя от натуги,

не ввел большую дозу успокоительного в разъяём, погружая его в глубокий, тёмный сон без сновидений.

Эрик всё же пошёл — позднее, придя в себя. Это противоречило правилам — но никто не посмел помешать ему, потому что он был одним из Десяти. Он знал, что бьерана уже не найти, но хотел отыскать тело Рагны и вернуть домой. Это казалось важным, как будто могло что-то изменить, и несколько дней, разыскивая её, Эрик чувствовал пугающую приподнятость духа — как будто в глубине души надеялся, что найдет охотницу живой, что её страшная смерть ему только привиделась.

Но никто никогда не нашёл её. Такое случалось часто. Стужа любила подарки. Должно быть, тело Рагны стало её частью уже через несколько часов после встречи с бьераном — причудливой ледяной фигурой, новой складкой на снежном саване. Но Эрик Стром всё равно ещё долго искал её — даже тогда, когда уже наверняка знал, что нечего больше искать.

ГАЗЕТА «ГОЛОС ХИММЕЛЬБОРГА»

Седьмой месяц 723 г. от начала Стужи

«...Благородная динна Ассели выступила на заседании городского совета в присутствии владетеля Химмельна, его жены и дочери. Динна выдвинула предложение о пересмотре срока обязательной службы препараторов. Особенный акцент в краткой, но очень экспрессивной речи был сделан на ястребах и охотниках. Госпожа Ассели утверждала, что, по результатам независимого исследования государственных препараторов, потенциальный физический ущерб тех, кто пожелает выйти в отставку по окончании обязательной службы, можно уменьшить на 15-20 %, если сократить её срок до 6 лет.

Господин Магнус выразил сомнение в целесообразности такого решения с точки зрения удержания целостности границ, а также экономической стабильности.

Наталья Третьякова

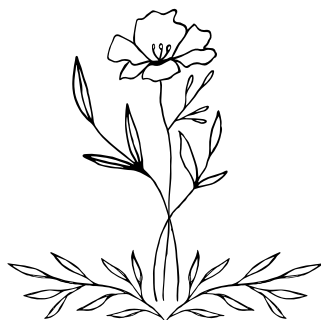
СМЕШИНКИ И ГРУСТИНКИ

Согревающие истории
о счастье, любви
и немного волшебном коте

Алена выскочила из автобуса и быстрым шагом пошла к магазину, на ходу вытаскивая из сумки связку ключей. Она работала товароведом, совмещая должность кассира в маленьком продуктовом магазинчике, и в ее обязанности входило открывать и закрывать магазин.

У дверей уже ждал охранник, по совместительству дворник, вместе с которым они были трудовым коллективом магазина, и какой-то помятый дядька, которому явно с утра требовалось опохмелиться. Пока возилась с замком, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, шмыгал носом и тяжело вздыхал, а рядом с ним спокойно и даже с достоинством сидел большой рыжий кот.

Алена метнулась в подсобку, чтобы надеть форменную жилетку, и споткнулась о кота, который незаметно прошмыгнул вместе с ней и теперь невозмутимо разлегся посреди заваленного коробками помещения.

— Посторонним сюда нельзя, — подтолкнула кота ногой в сторону выхода.

И крикнула в торговый зал:

— Мужчина, кота своего заберите!

— А это не мой кот, — возразил мужчина. И добавил: — Мне полторашку светлого.

— Володь, — обратилась Алена к охраннику. — Разберись с котом, а то, не дай бог, Анна Владимировна заедет, за кота нам влетит.

Ей уже мерещился голос Анны Владимировны, хозяйки магазина: «Это ж антисанитария, а у нас тут продукты, вот насыт вам на мешок сахара, сами потом его и купите!»

Володя подошел к коту, который терся об Алены ноги, взял за шкурку и вынес на улицу.

Вечером, закрывая магазин, Алена увидела кота. Он сидел чуть в сторонке от крыльца, но, завидев ее, поднялся и, подойдя поближе, снова сел, уставившись огромными желтыми глазами. Кот был крупный, полосато-рыжий, с большой лобастой головой и забавными пушистыми усами, торчащими в разные стороны.

— Ты что, так и сидел здесь весь день? — ласково удивилась женщина.

Кот басовито мяукнул и начал тереться о ноги.

— Нет, мой хороший, в доверие даже не втирайся, мне тебя взять некуда.

Порывшись в пакете, достала кольцо «Краковской», купленной к ужину, отломил кусок и положила перед котом.

— На, поешь, а мне на автобус пора.

И побежала на остановку.

Уже дома, вернувшись от матери, вспомнила про кота: что он тоже рыжий, как она и сын. Вернее, каким был сын. Игоря не стало ровно год назад, разбился

на мотоцикле, что они с мужем подарили ему на восемнадцатилетие. Алена была против такого подарка, но Игорь бредил мотоциклом, да и муж был не против. Подарили в марте, а в июне их единственный сын погиб.

За этот год Алена прошла долгий путь: от человека, не желающего больше жить, до человека, строящего планы на будущее. Пусть и безрадостные планы на безрадостную жизнь.

Подала на развод, брак не выдержал испытания горем и развалился на части мерзлыми кусками, остались только боль и альбомы с фотографиями счастливой семьи. Договорилась с подругой, переехавшей в Питер год назад, что приедет к ней пожить, найдет работу и снимет квартиру, дальше видно будет.

А сегодня, в годовщину, сказала родителям, что уезжает через три недели. Билеты уже куплены, на работе заявление на увольнение написано. Нет никаких сил жить в этой квартире, где он вырос, гулять по тем же улицам, что и он, проходить мимо его школы, встречать его бывших одноклассников и друзей. Невыносимо.

Утром кот так и сидел около крыльца магазина, как будто и не уходил всю ночь.

— Привет, котяра. Зря я тебе, видимо, колбасы вчера дала, будешь теперь здесь отираться.

Кот сделал неуверенный шаг к Алене, но она топнула ногой, и он остался на месте.

Днем кот несколько раз забегал в магазин вместе с покупателями, но Алена с охранником выпроваживали назойливого гостя. Вечером Володя посадил кота в машину и повез в приют для животных по совету кого-то из покупателей.

Алена работала по графику два через два. И первое, что увидела, вернувшись после выходных, — рыжего кота.

Одно ухо у него было в крови, на морде царапины, но все так же невозмутимым сфинксом он сидел около крыльца.

— Володя, ты же обещал его отвезти? — с нескрываемым раздражением спросила Алена.

— Отвез, час в пробке стоял. Они вообще брать не хотели, мест нет. Я уговорил, денег на корм дал.

— И как он вернулся, что-то не пойму? У него навигатор там встроенный, что ли? — удивилась женщина.

— Не знаю, там километров десять точно.

— Ладно, заходи, — кивнула коту. — Перевязать тебя надо.

Кот с достоинством прошел в магазин и улегся около рабочего места Алены. Она принесла аптечку, достала антисептик и склонилась над «пациентом», осматривая повреждения.

— Нормально так тебя потрепали, — протирая царапины смоченным в антисептике бинтом, приговаривала женщина. Кот, зажмурившись, терпел.

Достала из пакета контейнер с тушеной картошкой, которую принесла себе на обед, и пару сырников со сметаной, выложила в одноразовые тарелки и поставила в углу подсобки.

Кот неторопливо подошел, как будто нехотя, обнюхал угощение и приступил к трапезе. Он ел почти час, по итогу оставив тарелки идеально чистыми, как будто в них и не было ничего. Вышел из подсобки, присел у ног Алены и еще час умывался и вылизывался.

— Володя, давай объявление напишем, повесим на входе и на кассе. Может, кто кота заберет. Анны Владимировны сегодня и завтра не будет, уехала она, так что пусть пока кот в магазине побудет.

Кот весь день усиленно терся об Аленины ноги, и ей казалось, что скоро у нее появятся мозоли, а у него — лысина.

— Надо как-то тебя назвать, рыжая морда. Может, подскажешь?

— Ма, — пробасил кот.

— Ок, будешь Мао, умный был дядька, да и ты вроде не дурак.

К вечеру кот освоился и перебрался на колени к Алене. Тарахтел, как трактор, подсовывая голову под руки, чтоб гладила.

— Мао, ты клинья-то не подбивай, у нас с тобой ничего не получится. Уезжаю я, а тебя бы пристроить в хорошие руки.

— Так этого кота отдаете? — спросила пожилая женщина, их постоянная покупательница, несколько минут назад вошедшая в магазин.

— Ага, этого. Прибился к магазину.

— А мышей ловить умеет?

— Да кто ж его знает.

— Ну давайте, помогу вам, заберу в деревню к себе. У меня уже есть кот, да и ладно, подружатся.

Алена с Мао на руках вышла на улицу, подождала, пока женщина усядется в кабину небольшого грузовичка, за рулем которого сидел мужчина с пышными усами.

— Смотри, Мао, у дяденьки усы, почти как у тебя. Это хороший знак, — и передала кота женщине.

Потом дни полетели один за другим, до отъезда оставалось совсем немного времени, а список дел все еще был внушительным. В последний рабочий день Алена шла на работу с легкой грустью. Столько лет здесь проработала, многие покупатели стали почти как родные, все было так удобно и привычно, даже каждую щербинку тротуарной плитки от остановки до магазина знала наизусть.

Еще издали увидела какой-то серый комок у крыльца. То ли камень, то ли пакет, хорошим зрением Алена не отличалась.

Уже подойдя ближе, вздрогнула, поняв, что это не пакет.

Это был Мао — серый от пыли, худой, он лежал около крыльца, но, завидя ее, пошатываясь, поднялся.

— Ты как здесь оказался? Тебя же в деревню увезли? Открыв дверь, впустила кота в магазин.

Через несколько минут зашел Володя и обалдело уставился на Мао.

— Он не мог дойти, там шестьдесят километров. Или, может, они его не забрали?

Мао накормили, и он уснул. А когда проснулся, то ходил как привязанный к Алене, ни на сантиметр не отдаляясь от ее ног.

— Ален, это твой кот. Он же не в магазин приходит, а к тебе, — задумчиво сказал Володя.

Вечером, закрыв магазин, Алена взяла кота и отправилась домой. За день он выспался, умылся и вновь стал рыжим и похожим на себя, хоть и изрядно отощавшим.

Пока ехала, смотрела в темноту за окном автобуса и раздумывала, что же ей теперь делать с этим рыжим

хвостом. Родителям оставить? Ну не тащить же его в Питер, смешно, ей-богу.

Со стороны они выглядели колоритно: женщина с ярко-рыжими волосами, которые она специально подкрашивала хной для насыщенности цвета, и большой рыжий кот на коленях.

Зайдя в квартиру, Алена включила свет и отпустила кота на пол. Пока разувалась, он куда-то убежал.

— Мао, ты куда подевался? — заглядывая под диван и кресла, удивлялась Алена. Увидев приоткрытую дверь в комнату сына, вошла, включила свет. Кот сидел на диване и пристально смотрел на нее желтыми глазами.

— Мао, ты уже себе комнату выбрал?

— Ма, — не сводя с Алены желтых глаз, ответил тот.

Назавтра днем позвонил Володя и рассказал, что в магазин приходила женщина, забравшая тогда Мао. Он у них переночевал, а на следующий день пропал. Получается, неделю шел до города. Как знал, куда идти, непонятно.

...

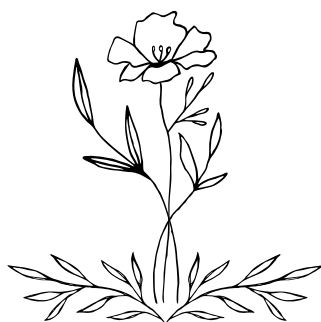
В кресле самолета, у окна, сидела рыжеволосая женщина, на руках у нее была переноска с большим рыжим котом.

Весь полет, два часа, женщина что-то рассказывала коту, и со стороны казалось, что они спокойно беседуют: она спрашивает, он отвечает.

Мусорный
сезон

Олег медленно шел по заросшей тропинке вдоль дома, всматриваясь в траву, хотя Джоли изо всех своих хлипких сил тянула его вперед, натягивая поводок. Олег искал бутылки.

По опыту он уже знал: если на земле лежит стеклянная бутылка, то не пройдет и нескольких часов, как она превратится в кучу осколков, о которые обязательно изрежет лапы той-терьер Джоли. Только вот зажил последний порез на его вечно трясущейся недособаке.

В этот район он переехал пару недель назад и все еще не мог привыкнуть к белью, висевшему на веревках посреди двора, детской площадке, заполненной шумными подростками, оставляющими после себя бычки и пустые бутылки, лавочкам с бабульками, что смотрят на тебя пронизывающим взглядом следователя НКВД.

Вокруг четырех старых пятиэтажек взметались ввысь многоэтажные новостройки, сжимались в кольцо многоуровневые развязки, а обитатели двора как будто и не знали, что мир сейчас другой. Что где-то сортируют

мусор, убирают за своими собаками и не орут под гитару по ночам.

Эта квартира в старой пятиэтажке досталась ему от бабушки, ушедшей много лет назад. Здесь жили родственники. Недавно они съехали, и он решил продать наследство. Но жизнь распорядилась иначе: Олегу срочно понадобилось жилье.

Две недели назад он в очередной раз поругался с женой, с которой прожил девять лет. Бытовая ссора неожиданно переросла в перепалку, где каждый, не жалея другого, безжалостно резал и хлестал словами. Последнее время они с Катюхой часто ругались. Причин было множество, и все, по мнению Олега, не стоили и выеденного яйца: то не позвонил он ей ни разу за весь день, то забыл картошку купить, то дверцу шкафа не закрыл. Эта дверца шкафа стала камнем преткновения и поводом для бесконечных скандалов. Возьми да закрой сама, делов-то, но нет, будет ходить и зудеть.

Говорит, давай к семейному психологу вместе запишемся, а Олегу казалось, что это блажь какая-то, знает он этих психологов — шарлатаны все.

В этот раз эта несчастная дверца шкафа открыла портал в ту темноту, куда они еще не заходили. Припомнили друг другу все, дошли даже до того поцелуя в коридоре студенческой общаги, свидетелем которого стала жена, еще не будучи женой. Даже и невестой еще не была, да что невестой, девушкой его еще не была, так, поцеловались разок. А потом поцеловался с другой, ну чтоб уж наверняка понять, какая больше нравится.

Но женился-то на ней, на Катерине своей. И не изменял, и любил. И любит...

— Если тебя все время как будто нет, я и так все сама решаю, сама о себе забочусь, то зачем мне вообще такой муж? — с перекошенным лицом орала Катерина.

— Да и правда, зачем?

Покидал носки, трусы в пакет, забрал Джоли и ушел.

Думал снять квартиру в нормальном районе, но пока ни сил, ни желания на поиски нового жилья не было. Искать не хотелось еще и потому, что ему нравилось здесь.

Нравилось рассматривать старые бабушкины альбомы с фотографиями маленькой улыбчивой девочки — его мамы. Нравилось курить на балконе и смотреть, как соседка трясет белье и развешивает на веревках, прижимая его потемневшими от времени деревянными прищепками. Такими же, какие у его бабушки, когда он был совсем мелким пацаном.

Нравилось наблюдать, как ходят по двору стаи наглых голубей, которые, если зазеваться, могут выхватить из рук что-то съестное. Особенно их привлекали дети с вечными булками и печеньками в руках. Птицы применяли даже тактические ходы, отвлекая обладателя булки, а потом вероломно выхватывали ее из детских рук. Нравилось смотреть, как режется в домино компания дедков, азартно перекрикивающих друг друга и прячущих под столом полторашку пива от всевидящих женских глаз, которые все равно замечали и изымали.

— Себя не бережешь, пенсию побереги! И так на твою поджелудочную бешеные деньги уходят! А эти и рады спаивать, уууу, алкаши! — попадали под горячую руку товарищи пойманного дедули.

Все это на фоне цветущих кустов, деревьев, клумб с лебедами из шин и палисадниками за белым заборчиком. Словно попал в старое кино.

Однако в с виду мирном дворе шла непрекращающаяся война, невидимая глазу граница разделяла двор на две враждующие стороны. Четыре дома — две мусорные площадки, вроде бы все логично и удобно. Но мусорные баки стояли так, что жителям одного из домов было проще бросать мусор в баки соседей, удобно расположенные по пути на остановку.

— Это наш мусорный бак, и мы за него платим! — с таким девизом активисты дома в лице нескольких боевых старушек защищали свою собственность. Штаб бабушкового дозора был организован на ближайшей к мусорным бакам лавочке. Любые посягательства не-преписанных к этой мусорке граждан предупреждались еще на подходе к охраняемому объекту.

Олег был не в курсе мусорного конфликта.

Он брал на прогулку с собакой мешок для мусора и собирал в него валяющиеся на земле осколки стекла и бутылки. А по пути домой выбрасывал его в ближайший мусорный бак.

Сегодня, запустив зазвеневший бутылками мешок в мусорку, услышал сердитый окрик.

— В свою мусорку бутылки свои несите! Алкаши эти совсем обнаглели!

— Это вы мне? — Олег удивленно повернулся на голос и увидел компанию бабушек на лавочке. Все в кофтах и беретах, несмотря на летнюю жару.

— Ну а кому? Вы же из двадцатого дома? — хором спросили береты.

— Да.

— Ну так и выбрасывайте свой мусор в свои баки! Вон там они, — раздраженно указала палочкой самая бойкая бабушка, видимо, идейный вдохновитель мусорного дозора.

— Так я этот мусор за вашим домом собрал. Может, мне его вообще к себе домой отнести? — начал заводиться Олег. Джоли затряслась, спряталась за Олегову ногу и истерично залаяла, решив внести свои доводы в спор.

— Собрал он, ага. В магазине собрал и в себя залил пойло это. А собака должна гулять в наморднике, дети кругом, а если покусает? Вон она какая злобная.

Олег, поняв, что толку от дискуссии не будет, взял Джоли на руки и, молча развернувшись, пошел домой.

Через несколько дней, опять собрав за домом несколько бутылок, он демонстративно, на глазах у мусорных беретов, выбросил их в бак.

— Мужчина, вы по-русски понимаете? У вашего дома есть свои баки, в них свои бутылки выбрасывайте! — взвилась старушка, которую Олег про себя называл главарем мусорного дозора.

— Это ваши бутылки, я собрал их за вашим домом и выбрасываю в ваш бак.

— Не, ты посмотри, Люба, наши бутылки! Может, мы их с тобой выпили, да не заметили? — распалялась бабушка, потрясая палочкой.

— Может, и выпили, да забыли, — включился в игру Олег. — Память-то уже не та.

Бабули сначала онемели от такой наглости, а потом предводительница пошла с козырей:

— Полицию надо вызвать, пусть разбирается с этими алкашами и собаками их бешеными!

Олег шел домой, по пути вспоминая старый анекдот, что пусть лучше бабули думают, что соседка проститутка, чем узнают, что она терапевт. Он работал врачом на скорой помощи и по опыту уже знал, что в этой шутке доля правда есть. Пусть лучше буду алкашом.

На следующий день у Олега была смена, вызовов было много, стояла жара, не дающая облегчения даже ночью, пожилые слегли с давлением, дети — с инфекциями, отравлениями и солнечными ударами.

Последний вызов был не из их зоны работы, но диспетчер попросила съездить:

— Бабуля там помирает, дед ее уже раз сто позвонил, а другая машина еще не скоро освободится.

Вызов, как оказалось, был в соседний от Олега дом.

В дверях его встретил дедок, Олег его сразу узнал — тот доминошник, у которого поджелудочная. Профессиональная деформация такая — запоминать людей по диагнозам.

Старик, шаркая тапками, провел Олега в комнату и засуетился вокруг дивана, на котором лежала старушка.

Поправил одеяло, откинул уголок простыни, приглашая Олега присесть.

Старушку Олег тоже узнал, это была та самая боевая предводительница вязаных беретов. Только вот выглядела совсем не по-боевому: по лицу растеклась зеленоватая бледность, глаза полуприкрыты почти прозрачными веками.

— Давление вот шибануло, еле дышит, — запримечтал дедок. И сорвавшимся голосом добавил: — Помогите, первый раз такое, словно не узнает меня.

— Давно, как вы говорите, шибануло? — деловито спросил Олег, осматривая бабушку.

— Часа три назад, вы на вызов-то не шибко спешили, — упрекнул старик. — Сначала голова сильно болела, а потом вот.

— Госпитализировать надо, — проигнорировав упрек, сказал Олег. — Похоже, инсульт.

Старик, сдавленно охнув, прошаркал в другую комнату и оттуда зашуршал пакетами, собирая вещи в больницу.

Санитаров на скорой уже давно нет, а нести бабулю до машины как-то нужно. Дедок явно тут не помощник.

Олег вышел на лестничную клетку и постучал сразу в три соседние квартиры. Двери всех трех открылись почти одновременно — две бабули и жующий мужик в трикошках и майке.

— Помогите бабушку до скорой отнести, носилки есть, — обратился Олег к мужику.

Тот, вздохнув, кивнул и, как и был, в тапках и трико, вышел на лестничную клетку. Бабули тоже вышли:

— Семеновне, что ль, плохо? — всполошились они, заглядывая в квартиру.

Пока Олег с соседом тащили носилки, дедуля подерживал бабуле ноги и все пытался прикрыть ее байковым одеялом, так и норовящим сползти.

В приемном покое больницы, передав больную, Олег собрался уезжать, но дедок его задержал:

— Вы, это, может поговорите с врачом, кому там что заплатить, чтоб хорошо помогли, полечили бабку мою, — голос его дрожал. — Я сниму с книжки, — всхлипнул старик.

— Да не переживайте, нормально все будет. И без денег вылечат вашу бабушку.

Но утром написал сообщение приятелю-врачу из неврологического отделения: «Трофимова к вам поступила, соседка моя, нормально с ней?»

Приятель успокоил: «Бабуля еще тебя переживет».

...

Как-то промозглым осенним вечером, покуривая на балконе, Олег услышал знакомую брань:

— Алкаши! Сидят тут! Думаешь, не вижу? Вот по-мрешь, похороню тебя в фанерном гробу, потому что все деньги тебе на лекарства ушли! У этих вон глотки луженые, а у тебя поджелудочная!

Олег затушил сигарету и позвал Джоли:

— Пойдем, поздороваемся с тетей одной.

Прогулявшись за соседним домом и набрав в пакет несколько бутылок, Олег направился к лавочке, на которой в полном составе сидел мусорный дозор, только уже не в беретах, а в плотных вязаных шапках.

— С выздоровлением! И возвращением! — улыбнувшись и помахивая позвякивающим пакетом, Олег прошел мимо охраняемых баков и понес пакет в «свою» мусорку.

— Ишь, вежливый стал! Полиции, небось, испугался!

Дома, в очередной раз ударившись лбом в открытую дверцу шкафа, Олег достал телефон и написал сообщение Кате:

«Я соскучился, мне плохо без тебя. Пошли к твоему психологу, только обещай, что, когда умру, не похоронишь меня в фанерном гробу».

АННА
ДЖЕЙН

МОЙ
идеальный
СМЕРЧ

ТРИЛОГИЯ
В ОДНОМ ТОМЕ

Я, вытащив читательский билет, без которого меня сразу бы турнули отсюда строгие библиотекари, зашла в зал, и, мягко ступая по темно-зеленому ковру, прошла в самый конец помещения к столу библиотекаря. Библиотекаря, к моему удивлению, на месте не наблюдалось. Да и студентов было мало — человек пять-шесть, не больше, все-таки вечер пятницы давал о себе знать.

Он ждал меня у небольшого столика, откинувшись на высокую спинку стула и быстро стуча пальцами по клавишам ноутбука, глядя только на экран, а не на клавиатуру.

— Привет, — сказала я, сжимая лямки рюкзака и собираясь с духом.

Денис заметил меня и кивнул на стул. Кажется, он точно знал, что я приду.

— А, вот и ты. Садись, Чип.

— Я не Чип, а Маша, — наставительно сказала я и села на отодвинутый его заботливой ногой стул. — И что ты от меня хочешь? — сразу же спросила я, помня о том, что этот человек знает мою тайну.

— Секундочку, — не отрывая взгляда от экрана, произнес он, не переставая печатать, — его пальцы так и порхали над клавиатурой. Слепой метод. Я тоже пыталась им овладеть по какой-то программке, увы, моего терпения хватило только на два занятия.

— Слушай, я не знаю, что ты там видел, — начала я, прокашлявшись и стараясь, чтобы голос не был взволнованным, а наоборот, уверенным. — Но тебе лучше молчать про Никиту, как рыбе, а не то я доставлю тебе много-много разных и распрекрасных неприятностей. Несмотря на то что ты считаешь себя крутым мачо, ясно? Не знаю, что ты там задумал, мальчик-ветер, и как ты умудряешься очаровывать всех подряд, вернее, головы им дурить, но обижать себя или Никиту я тебе не позволю. Ты еще не знаешь, на что способна я, Мария Бурундукова, и по сравнению с тобой...

— Я закончил, — перебил меня Дэн, закрыл свой ноутбук, положил рядом и, повернувшись ко мне, с очаровательной улыбкой поправил мне вновь упавшую на лицо прядь. Я смутилась.

— Что ты там говорила, Чип? Я не слышал, когда печатал.

— Я сказала, что не позволю...

— А, это не важно, — отмахнулся он и помахал кому-то сидящему впереди нас. Я тут же перевела взгляд и увидела, как миленькая первокурсница, прятаясь за горой толстенных книг, косится на Смерчинского, которого мне все больше хотелось называть Сморгком, а Дэн, заметив заинтересованный взгляд, тут же стал ей лыбиться. Девочка покраснела и отвернулась.

— Похоже, я ей нравлюсь, — шепнул мне он.

— А мне что с того? Кричать тебе: «Виват»? — все больше раздражал меня брюнет. — И вообще я пришла сюда не потому, что ты мне велел это сделать, а чтобы донести до тебя, дорогой Денис, кое-какую информацию. Я хочу сказать тебе, что я себя и Никиту в обиду не дам, и пока я еще не понимаю твои игры, но я у...

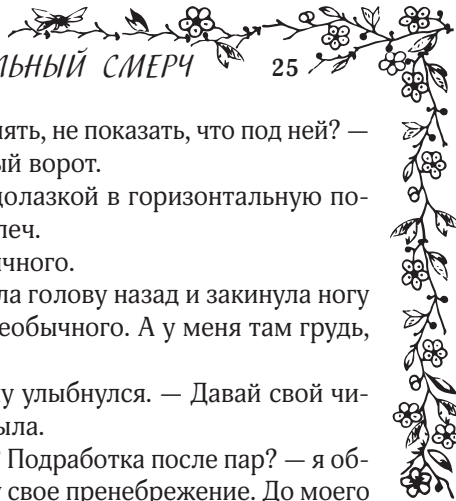
Мою праведную тираду вновь прервали.

— Покажи читательский? — попросил он меня спокойным тоном, все больше и больше поражая своею неадекватностью.

— Тебе больше ничего не показать, только читательский? — вложила я как можно больше презрения в голос.

— Ага. На другое я не надеюсь, — туманно изрек парень. — Поэтому могу просить только читательский. У тебя же он есть.

— У меня много чего есть. А кофточку для тебя не снять, не показать, что под ней? — для наглядности я даже подергала себя за треугольный ворот.

Дэн пожал плечами, обтянутыми черно-синей водолазкой в горизонтальную полоску, которая выгодно подчеркивала разворот его плеч.

— Да я знаю, что у тебя под кофтой. Ничего необычного.

Я смерила его не самым добрым взглядом, откинула голову назад и закинула ногу на ногу. Ничего необычного? Это у тебя там ничего необычного. А у меня там грудь, между прочим. Женское достояние, можно сказать.

— Ты действительно прикольная, — он по-доброму улыбнулся. — Давай свой читательский, мне нужно тебя отметить, раз ты здесь была.

— Отметить? Ты библиотекарем заделался, что ли? Подработка после пар? — я обвела читальный зал глазами, пытаюсь показать Смерчу свое пренебрежение. До моего пренебрежения, впрочем, ему было как до лампочки.

— Нет. Просто библиотекарь ушла и попросила меня присмотреть за залом, — порадовал меня мой новый знакомый, успевший за столь короткое время стать мне якобы другом.

— На, подавись, гоблин, — кинула я в него небольшой прямоугольной пластиковой карточкой.

Смерчинский ловко поймал ее на лету со словами:

— Бурундучок, ты точно учишься на факультете искусствоведения? Ну и лексикончик у тебя!

— Нормальный у меня лексикончик. Ты просто филологов еще не слышал, — отвечала я ему. Когда-то давно мой брат встречался с девушкой-филологом. Потом жаловался, что не понимает, когда она изощренно ругается, а когда просто разговаривает на какие-то отвлеченные темы.

— Слышал, видел и даже тесно общался, м-м-м, было забавно, — в глазах Смердяка появились туман и мечтательность — такая, которая бывает у особенно наглых извращенцев.

Дэн почти мгновенно оказался за библиотечной стойкой, а потом так же быстро вернулся ко мне вместе с читательским — по правилам зала каждый, кто приходит сюда, должен был отметить.

— Готово, Бурундук, — сообщил нахал и заботливо вложил белый пластиковый прямоугольник прямо мне в руки.

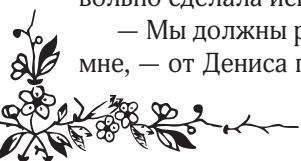
— Если ты еще раз назовешь меня Бурундуком, клоун, я тебе врежу, — честно предупредила я его. Почти двадцать лет жизни со старшим братом в одном доме многому могут научить... Однако Дэна мои слова никак не задел, только лишь позабавили.

— Я тоже Бурундук, мы ведь команда, что тебе теперь обидного? Ладно, Мария, переходим к делу, — он припал к столу, положив на него локти и касаясь подбородком запястья, и поманил меня пальцем, чтобы и я последовала его примеру. Я закатила глаза, но сделала то же самое. Почему-то мне захотелось улыбнуться.

Наверное, мы были похожи на заговорщиков из клуба «Тайна на тайне».

— Давай говори, — велела я. — Объясни наконец, почему ты подошел ко мне с такой странной просьбой. Я про Князеву говорю. И при чем здесь мой, — я непроизвольно сделала испуганную паузу, — Никита?

— Мы должны работать вместе, — жарко зашептал парень, придвигаясь ближе ко мне, — от Дениса пахло арбузной жвачкой и одеколоном, который папа в шутку на-

зывает «мужские духи с запахом свежести и моря». Честно говоря, одеколоны, как и духи, я не люблю. А вот запах дегтя... Да уж, у меня обоняние странное, согласна.

— Ты это к чему? — внимательно поглядела я в синие глаза Смерча.

— К тому. У нас общие интересы, правда, не совсем хорошие, потому что разбивать пару — это поступок не самый приличный, но если мы хотим, чтобы наши любимые люди были с нами, нам придется постараться. Верно, Мария? Ты ведь не из тех, кто отступает? — он слегка прищурился, точно зная, что я не из таких людей. Сдаться без боя — это не мое. Я могу медленно ехать, но ногу с педали газа не уберу, пока не доберусь до нужной точки.

— Я редко отступаю, тем более от того, что люблю. Но все равно не понимаю. Или говори яснее, или я сваливаю. Какую пару мы должны разби... — рассердилась я довольно громко. Те немногие студенты, находившиеся в читальном зале, тут же обернулись на нас. Дэн изловчился и ловко закрыл мне ладонью рот, оборвав на полуслове. Я невольно сглотнула. Мне так рот раньше закрывал любезный брат, чтобы я не портила его драгоценное настроение своими воплями (особенно в детстве), — только у него руки были привычными, что ли, широкими, жесткими, да и пахло от них сигаретным дымом. А лапы Дэна были чужими, куда более гибкими, с мягкими кончиками пальцев и с выпирающими костяшками, но их я совершенно не боялась — как и рук брата, как будто мы со Смерчинским давным-давно были знакомы и он каждый день только и делал, что пытался закрыть мне рот ладонью.

— Тише, Чип, тише, не привлекай общественность. Все в порядке, ребята, простите за шум! — очаровательно улыбнулся он народу, выпрямившись.

— Ты, Дейл недоделанный, — умудрилась я оторвать его руку от собственного лица. В голове самым забавным образом смешались два вида дыма: первый исходил от багрового костра злости, второй — от искреннего светло-синего непонимания. — Оставить меня в покое. Тебе ясно?

Студенты тем временем отвернулись от нас, и Денис смог продолжить разговор.

— Тише, тише, Мария. Мне все ясно. Слушай меня дальше. Мы с тобой не отступим, да?

— От чего?

— Все просто. Я — от Ольги, — он вновь пригнулся и положил голову на прохладную поверхность столика, уронив руки на колени (слава богу, что не на мои). — Ты — от Никиты.

— Я тебя не понимаю, о чем ты? Объясни нормально, — до меня не совсем доходил смысл сказанных Смерчинским слов.

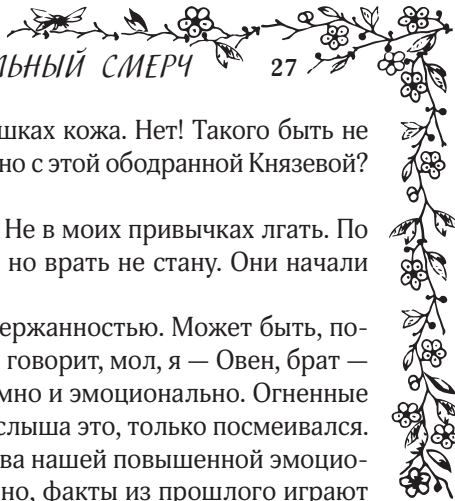
— О том, что мы завоюем своих любимых людей, — он на мгновение сжал губы, и от этого мимического движения на его щеках вновь появились ямочки.

— Ты к чему это клонишь? — не заметила я, как стала говорить так же тихо, как и Смерчинский, и сама придвинулась к Денису совсем близко — наши локти плотно касались друг друга.

— Мы не дадим им быть вместе, — заговорщицким шепотом произнес парень. — Они пока только начали встречаться, поэтому, по моим подсчетам, они не могли еще слишком сильно сблизиться. У нас есть приличный шанс, не находишь?

— Нахожу... Стой! — я опять вскочила, чувствуя, как чего-то недопонимаю. — Кто встреча... Они встречаются?! Князева и Никита?!

Гордая птица орел пропала, и на ее месте возникло нечто общипанное и дряхлое: морально и физически. От крыльев остались одни воспоминания, а вместо шикарной

шубки из перьев появилась бледно-голубая в пупырышках кожа. Нет! Такого быть не может! Как так?! Мой Ник! Почему он встречается именно с этой ободранной Князевой?

— Ты врешь!

— Ничего я не вру, — нахмурился Смерчинский. — Не в моих привычках лгать. По крайней мере на такие темы. Я могу недоговаривать, но врать не стану. Они начали встречаться пару дней назад.

— Не верю! — я никогда не страдала особенной сдержанностью. Может быть, потому что я Овен по знаку зодиака? Мне мама так часто говорит, мол, я — Овен, брат — Стрелец, сама она — Лев, вот мы и ведем себя все шумно и эмоционально. Огненные люди. Папа, единственный не огненный, а воздушный, слыша это, только посмеивался. Он верил только в научные факты и говорил, что основа нашей повышенной эмоциональности лежит в типе нервной системы. Ну и конечно, факты из прошлого играют большую роль. Особенно в моем случае.

— Поверь. Хотя это и нелегко.

— Я не верю тебе! Слышишь, Смерчинский? — каждый нерв во мне испуганно натянулся, готовясь лопнуть в любой момент.

— Чего ты орешь? Ребята, у моего друга небольшие проблемки с психологическим состоянием, не обращайтесь на нее внимания! — вновь обратился он веселым тоном к студентам, опять с нездоровым любопытством уставившимся на нашу парочку.

— Да ничего, все в порядке, — было ему хоровым ответом. В это же время дверь в читальный зал отворилась, и в него вплыла пожилая, грузная и очень строгая библиотечарша, которая, по-моему, всеми фибрами своей пыльно-книжной души ненавидела учащихся универа и повышала голос на них по поводу и без оно. Однако сейчас, увидев своего «заместителя», эта любительница порядка с суровым квадратным лицом буквально расцвела, как майская роза, странно только, что не запахла.

— Ой, Денисочка, — проворковала она басом, степенно подходя к нам, — спасибо, что посидел в библиотеке.

— Не за что, — наградил ее улыбкой парень. — Если что — зовите.

— Конечно-конечно, милый мой, — просюсюкала библиотечарь впервые на моей памяти. — Заходи к нам почаще, я достану тебе те журналы, о которых ты просил. Во вторничек, заходи во вторничек, дружок.

— Да, спасибо вам за заботу.

— Все нормально?

— Конечно. Все сидят тихо, занимаются. А я тут со своим другом, — он кивнул на меня, находящуюся в состоянии шока от его сообщения относительно Ника и Князевой.

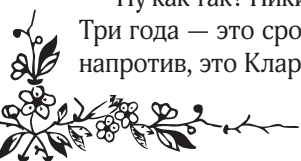
— Другом? — наградила меня подозрительным взглядом женщина.

— Да, это мой друг, я как раз ее ждал. Классная девчонка, зовут Мария, я называю ее Чип — знаете, как одного из бурундуков в мультике «Чип и Дейл». Помните?

— Помню, — стал мягче взгляд пожилой женщины. — Внук часто смотрит.

— А это Василиса Петровна, лучший библиотечарь, — представил нас друг другу Денис, только мне было не до знакомств с кем бы то ни было, даже с лучшим библиотечарем вселенной. В глазах от только что услышанного двоилось, как после пары банок коктейля, — было дело, напоили однажды меня ими подружки-однокурсницы...

Ну как так? Никита? Встречается? С Князевой? А... а как же я и три года моей любви? Три года — это срок. За воровство такой дают, к примеру. А ведь я ничего не крада — напротив, это Кларский стащил мое сердце или чем там люди кого-то любят? То, чем

любят, то и украл, негодяй. Неужели все мои мечты так и останутся мечтами и ничем больше? А как же наше совместное светлое будущее? Я ведь почти созрела до того, чтобы если не признаться в чувствах, так хоть позвать его сходить куда-нибудь вместе!

— Поздоровайся с Василисой Петровной, — ткнул меня в спину Смерч.

— А? — не сразу удалось отойти мне от горьких внутренних дум, сводившихся теперь к одной большой темно-серой мысли-головастику с зубастой пастью и огромными перепуганными глазами, вновь появившейся в моей головешке с транспарантом в перепончатых лапах: «Князева — стэ-э-эрва!!!»

— Вежливость — залог удачной коммуникации, — как бы между прочим заметил Дэн. — Поприветствуй хозяйку библиотеки.

— Здравсти, — дошли наконец до меня его слова.

— И тебе привет. Ты тоже можешь заходить ко мне чаще, раз уж друг нашего Дениса, — неодобрительно глядя почему-то мне на ноги, произнесла библиотекарь.

— Ага.

— Слушайся Дениса, он плохого не скажет.

— Угу.

— И не обижай его.

— Да... Как я вам его обижу? — вовремя спохватилась я. Наиглупейшая просьба. Кто кого из нас может обидеть?

— Как-нибудь уж, — сварливо отвечала библиотекарь. — Он парень тонкой душевной организации. Такого каждый обидеть может.

Парень тонкой душевной организации широко улыбнулся.

— Ладно, нам пора, Василиса Петровна. Можно мы выйдем там? — кивнул куда-то вправо Денис, — мы как раз погулять хотели.

— Какой же ты проказник, — захихикала баском женщина, — выходи. Друг-то твой сможет так же выйти?

— Сможет. Я же с ней, — самоуверенно отвечал парень.

— А с твоей Марией все в порядке, а то застыла как столб и таращится в никуда? — кивнула на меня библиотекарь.

— Стесняется, — заверил парень свою обычно грозную ко всем собеседницу.

— Ну, как знаешь. Посоветуй ей витаминчиков попить, может, у нее обострение какое, — дала двусмысленный совет Василиса Петровна.

Они попрощались, Дэн схватил меня, все еще находившуюся в зыбком тумане дружного тандема удивления и потрясения, за руку и поволол по направлению к высоким окнам. Распахнув настежь одно из них, он, недолго думая, выкинул на улицу свой рюкзак и сказал:

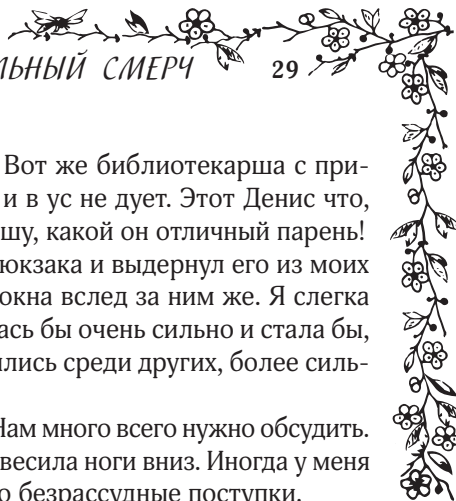
— Чтобы весь универ не обходить, спрыгнем.

— Спрыгнем? — как сомнамбула произнесла я, а потом до меня дошел смысл сказанного, и я чуточку ожила: — Как спрыгнем? Ты что, Смерчинский, дурак?

— Нет, меня обычно называют почти гением, — серьезно ответил молодой человек. — Здесь всего лишь первый этаж, не бойся. Я спрыгну первым, а потом поймаю тебя.

— Я выйду через дверь, как нормальный человек, — твердо сказала я, но этот гад, словно не слыша, забрался на широченный подоконник, потянул за собой меня, а потом, почти не глядя вниз, быстро спрыгнул на зеленый газон.

— Поддай мой ноут, — велел он мне. Я покорно протянула ему переносной компьютер, моментально исчезнувший в рюкзаке Дэна.

— А теперь кидай свой рюкзак.

— Да ни за что в жизни, — прижала я к себе его. Вот же библиотекарьша с приветом — на ее глазах студенты из окна сигают, а она и в ус не дует. Этот Денис что, гипнотизировать людей умеет? Сегодня только и слышу, какой он отличный парень!

Дэн подпрыгнул, ухватился за торчавшую лямку рюкзака и выдернул его из моих рук с такой силой, что я тоже чуть не вывалилась из окна вслед за ним же. Я слегка рассердилась — в другое время, наверное, я разозлилась бы очень сильно и стала бы, наверное, орать, но сейчас многие мои эмоции потерялись среди других, более сильных и куда более негативных.

— Давай быстрее, Бурундук, — велел Смерч мне. — Нам много всего нужно обсудить.

— Сейчас я спущусь и убью тебя, — отозвалась я и свесила ноги вниз. Иногда у меня в голове что-то замыкает, и я тоже совершаю немного безрассудные поступки.

— Давай быстрее, друг Дениса, — сказала мне в спину библиотекарьша Василиса Петровна. — Дует. Сдует еще меня.

— Ветру нужно хорошенько постараться, чтобы вас сдуть, — хмуро и очень тихо отвечала я. — А ураганов у нас, как известно, не бывает.

Дэн все же услышал мои слова и осуждающе покачал головой, хотя его темно-синие глаза смеялись — по крайней мере мне так показалось. Через пару недель я хорошо научилась разбираться в эмоциях, отражающихся в сморчковских очах. По крайней мере мне казалось, что хорошо. Однако я ошибалась.

Он протянул руки и все-таки помог мне спуститься. Окно за нами с шумом закрылось.

— Какая-то ты худая, — скептически осмотрев меня, произнес Смерч.

— Разве это плохо?

— Вообще-то хорошо, только там, где у женщин по идее должны быть округлые формы, у тебя почти ничего нет.

— Ты! — замахнулась я на него только что поднятым с земли рюкзаком. — Совсем обнаглед?

— А я здесь при чем? — ловко отпрыгнул он в сторону. — Капусты ешь больше — так вроде в народе говорят... А если хочешь, могу познакомить тебя с классным женским тренером, чтобы он тебе для увеличения, где нужно, упражнения подобрал, — продолжал как ни в чем не бывало этот нахал. — А еще есть одежда специальная...

Это было уже слишком. Полудохлый орел мутировал в мстительную гарпию.

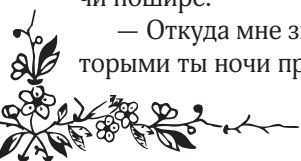
— Я тебя сейчас убью, Смерчинский! Я тебя знаю всего ничего, но ты успел меня достать на годы вперед! — прорычала я.

— Что ты все время кричишь? Я просто даю тебе дружеский совет! — лицо Дениса осветилось солнечной улыбкой. Я невольно уставилась на его коричневые волосы, которые под лучами солнца отливали темным золотом. Однако я вовремя спохватилась. Нет, Никита все равно красивее!

— Советы? — перевела я взгляд на его лицо. — Да ты только что потоптался на моем самом любимом комплексе, советчик хренов! Я же не говорю, что у тебя что-то маленькое.

— А что у меня может быть маленьким? Я в отличной форме, — расправил он плечи пошире.

— Откуда мне знать, что, — пнула я камешек. — Это нужно спросить у девиц, с которыми ты ночи проводил... Ха!

— Дать их телефоны? — невинно предложил Дэн и в подтверждение своих слов вытащил навороченный смартфон в ядовито-желтом пластиковом футляре.

— Спасибо, не надо, — отказалась я.

— Почему же, они все про меня расскажут, Бурундук.

— Сморчок, — фыркнула я. Блин, как же он достал. К тому же именно этот доставший парень сообщил мне о том, что Никита и Ольга встречаются, а, как известно, еще в далекой старине гонцов, принесших плохую весть, казнили. Как же жаль, я не могла послать Смерчинского на плаху, ведь в этот момент меня просто распирало от злости — в неравном бою она все-таки победила остальные эмоции.

Запоздало в голове мелькнула почти умная мысль: а что, если этот умник специально меня раздражил, чтобы я на время забыла о невероятно неприятном факте касательно романтического увлечения Ника? Он, как оказалось, тот еще манипулятор. Знает, на каких струнах в душе сыграть надо.

— Какая ты эмоциональная, Мария. Ладно, о деле. — И Дэн первым зашагал по короткой сочной траве, бесшумно касаясь земли подошвами черно-белых кед, на внешней стороне каждого из которых красовались звездочка фирмы «Конверс» и изображение бруклинского моста. Вот зараза! Я ведь тоже такие хотела купить, именно с мостом и именно такого цвета, но мама, которая очень хочет, чтобы ее дочь, то есть я, была женственной и милой, запретила мне покупать кеды и кроссовки и сама приобрела мне в модном магазинчике туфли на высоком каблуке и элегантные кремовые босоножки. Естественно, я возмутилась такому произволу, но на сторону мамы встали папа, дедушка и брат с моей будущей невесткой. Они, видите ли, тоже хотели, чтобы я выглядела «достойно». Достойно кого, родственники не уточнили.

Я же объявила им, что принципиально не стану обуваться в мамины «подарочки», и хожу до сих пор в старых, но таких любимых найковских кедах, темно-синих и с оранжевой шнуровкой.

— О деле, — повторил Дэн задумчиво. — Моя Оля и твой Никита. Они вместе — это факт, поэтому нам нужно объединиться, чтобы разбить их пару и самим стать счастливее.

— Ты мне врешь, — тут же упрямо заявила я. — Они друг друга знать не знают. Не будет мой Никита на такое чучело невзрачное заглядываться.

— Что? — даже остановился Денис. — Чучело? Ольга — эталон женственности. А этот парень, Никита, никакой. Абсолютно. Я не люблю говорить о людях плохо, особенно за глаза, но он — это нечто.

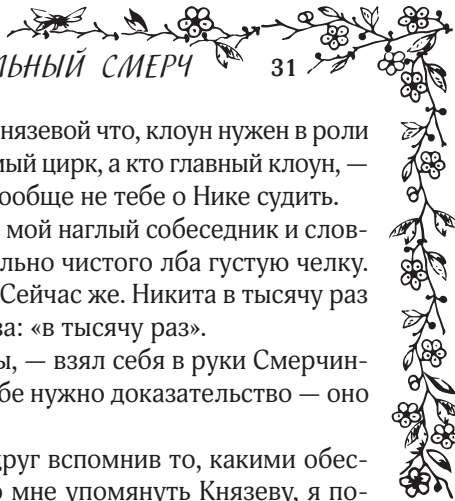
Что он несет? Что с этим Лаки Боем не так?

— Это Князева — что-то с чем-то.

— Я знаю, Оля любит ярких неординарных парней, ждет от них необычных поступков, — продолжал, словно намекая на свою скромную персону, мой спутник, — хочет не просто отношений, а сказки... — парень запнулся на полуслове, немного помолчал и продолжил: — Но этот Никита Кларский абсолютно обычный, скучный и правильный тип. Это не ее типаж. В чем дело? Как она на него клюнула?

В сердце у меня завелся дополнительный моторчик злости — терпеть не могу, когда моих близких обижают. И тем более плохо говорят о них. Официально Кларский пока что мне совершенно никто, но я считаю его близким!

— Эй, замолчи! Не говори так. Он самый лучший. Яркий, фееричный, сказочный, если хочешь... — Я спохватилась, что очень уж сильно расхваливаю своего принца. А потому

решила, что самая лучшая защита — это нападение. — Князевой что, клоун нужен в роли любящего мужчины? Изволь, я намекну ей, где у нас самый цирк, а кто главный клоун, — и я сама захихикала, довольная своей шуточкой. — И вообще не тебе о Нике судить.

— Конечно, не мне, ты права, — покорно согласился мой наглый собеседник и словно бы невзначай царственным жестом откинул с идеально чистого лба густую челку. Думает, раз красавчик, все на него вешаться должны? Сейчас же. Никита в тысячу раз красивее, интеллигентнее и приятнее. Ключевая фраза: «в тысячу раз».

— Ладно, нам ни к чему ссориться, мы же партнеры, — взял себя в руки Смерчинский. — Значит, ты не можешь в это поверить? Если тебе нужно доказательство — оно у меня в телефоне. Я их сфотографировал вместе.

— Да? — все еще не хотелось верить мне, хотя, вдруг вспомнив то, какими обеспокоенными стали сестренки Марина и Лида, стоило мне упомянуть Князеву, я поняла, что, наверное, этот милый клоун с ямочками на щеках все-таки не шутит. Да и, кажется, в тот день, когда на физкультуре фотографировала Никиту, я краем уха слышала, как Оля говорит своей подруге Регине, что у нее скоро свидание. Тогда я даже не обратила на это внимание, а теперь, теперь, мне кажется, ясно, с кем было у нее свидание. Вот блин.

Решив добить меня, брюнет потыкал пальцем в сенсорный экран своего телефона и показал мне фото довольно-таки хорошего качества. На нем были изображены в полный рост Ольга Князева, скромно улыбающаяся, и (к моему неописуемому ужасу) Никита, вопросительно смотрящий на девушку и держащий в руке два рожка с жидким мороженым, посыпанным чем-то коричнево-желтым, — моим любимым, между прочим. Атмосфера на фотографии была милой. Двое влюбленных: трепетная девушка с чистым взором и нежной улыбкой и чуть стеснительный, но твердо уверенный в своих намерениях паренек всегда смотрятся мило.

— Капец, — простонала я, увидев это фото, овеванное легкой дымкой романтического флера. — Не может быть!

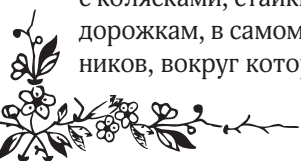
— Может, — вздохнул Дэн и потер подбородок. — Сам в шоке. Теперь-то ты мне веришь? А если думаешь, что это фотошоп или случайность, то сама скоро поймешь, что правда. Когда эти двое будут приходить в универ, держась за ручку. Или когда он начнет ее лапать в коридоре.

— Как мерзко, — мне опять заметно поплохело. — Они вместе... И что делать?

— Для начала успокоиться. Пошли на лавочку, там и поговорим, — деловито произнес Денис.

— О чем нам говорить? — тут же, после короткого перерыва, когда все мои мысли были только о том, где и как лучше переломать кости этому смазливому верблюду, ко мне вернулись думы о том, что Никита, мой личный Никита, начал встречаться с ободранной крысой Князевой!

— О том, что мы оказались в одинаковой ситуации. А вот и свободная, — указал Дэн на новенькую удобную деревянную лавку со спинкой и подлокотниками. Рядышком примостилась каменная урна в форме высокой клумбы, которая была переполнена настолько, что из нее вывалились пустые пивные бутылки. Кстати говоря, сейчас, по случаю очень хорошей погоды, на аллейке было многолюдно: куча мамочек с колясками, стайки гогочущих малолеток, старушки-подружки, чинно бродившие по дорожкам, в самом центре аллейки, около фонтанчиков, толпилась целая куча собачников, вокруг которых носился целый десяток их питомцев.

— Садись, тут чисто, — первым развалился Смерчинский и даже протер мне место собственной ладонью. Заботливая мамочка.

— Мне все равно, грязно или чисто, — устало опустилась я на скамью и тут же откинулась на ее спинку. — Мое сердце разбито, жить не хочется, к тому же я голодная. А откуда ты взял это фото?

— Сам сделал. Я случайно оказался в центральном парке. Они гуляли, у них было что-то вроде первого свидания. Вот и сделал снимок. На память. — Усмешка ничуть не испортила его красивого лица.

— Вот как, — сухо отозвалась я, потому что не могла представить своего Никиту гуляющим вместе с Князевой где-то по парку. Бр-р-р. — Слушай?

— Что?

— Как понял, что я... что Никита мне нравится? — странное дело, но этому типу было несложно и совсем не стыдно рассказывать о своих чувствах, которые я так тщательно охраняла от общественности. Ведь о них, как я уже говорила, знали только Лида и Марина. Удивительное дело, неужели Дэн так хорошо умеет располагать к себе людей? Действительно, волшебник.

— Когда я увидел их вместе, то решил на следующий день посмотреть на этого парня. Друзья успели достать мне информацию о нем, фото прислали по аське, ну и номер телефона и почтовый ящик.

— Нехилые у тебя друзья.

— У меня хорошие друзья, — улыбнулся парень. — Один из них следующей ночью умудрился взломать его ящик и скайп с аськой, жаль, что он социальными сетями не пользуется. Инфы было бы больше.

— Я тоже не пользуюсь, — важно ответила я. Когда-то давно у меня были пара страничек и даже собственный электронный дневник, где я писала дикую чушь. Все свое свободное время я сидела в Интернете, занималась абсолютно ненужной ерундой, а потом неожиданно сама для себя удалила все это и теперь зависала на фильмах и сериалах, создав совершенно левый аккаунт.

— И я, — кивнул мне Дэн. — Времени нет.

— И что, реально Никитин ящик взломали?

— Реально. Хотя вообще-то это произошло и виртуально одновременно, — он хмыкнул. — Только там ничего интересного не было. Скрытный парень.

— А я тоже хочу там порыться! — выкрикнула я громко.

— Да говорю, там ноль полезной информации.

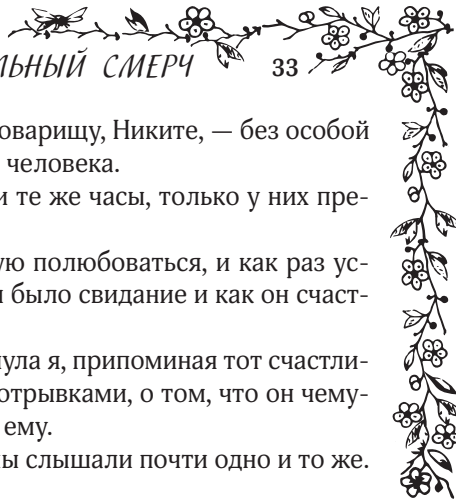
— Дай мне пароли!

— Почему ты всегда так громко орешь? — удивился мой собеседник. — Смотри, голубей распугала. Кстати... — он порылся в кармане джинсов и вытащил наружу горсть семечек, которые тут же принялся кидать птицам. Наглые пернатые, увидев бесплатный хавчик, с обнаглевшим видом подлетели к нам и принялись едва ли не драться за каждую семечку, глухо воркуя (навверняка ругательства).

— Лучше бы мне дал, — недовольно взглянула я на птиц, толкающихся едва ли не у наших ног. — Я тоже люблю семечки.

— Я тебе потом куплю, Чип, больше нет, прости, — развел руками Смерчинский. — Что-то мы отвлеклись. Слушай дальше и вникай.

— Угу.

— Я специально приехал на физкультуру к этому товарищу, Никите, — без особой любви в голосе произнес Денис имя моего любимого человека.

— В этом году у нас и экономистов физра в одни и те же часы, только у них преподы другие, — встряла я.

— Знаю. Я приехал, подошел к нему, чтобы вживую полюбоваться, и как раз услышал из его разговора с другом, что у него и Олечки было свидание и как он счастлив быть рядом с ней.

— Я тоже что-то такое слышала! — опять воскликнула я, припоминая тот счастливый день, когда мне удалось сделать фото. — Только отрывками, о том, что он чему-то рад, а его друг, парень в очках, как раз поддакивал ему.

— Надо же, — удился Дэн такому совпадению, — мы слышали почти одно и то же. Интересное совпадение. Только у меня слух лучше.

— И мания величия к тому же.

А он, игнорируя мои слова, продолжал:

— Я бы больше услышал, только меня заметил Палыч, препод, который баскетбольную команду тренирует...

— А, так это ты дьяволенок? — непонятно чему обрадовалась я, вспомнив и слова преподавателя по физкультуре.

— Да, наверное, Палыч всегда меня так зовет, с первого курса, — усмехнулся Денис. — Классный тренер, может из любой развалины сделать отличного баскетболиста. Кстати, тогда же я увидел, как ты своего Никитку фотографируешь едва ли не в упор. Как он не заметил этого — просто удивительно.

— Молчал бы.

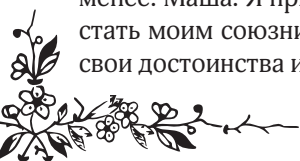
— Я и так не стал оглашать твоих действий, Бурундук. В общем, я сопоставил факты и понял, что он тебе нравится. У тебя такой взгляд был дурной, когда ты его фотала, — на смазливом лице вновь появилась улыбочка, давшая возможность блеснуть в солнечных лучах заходящего приветливого солнца ровным белым зубам. — Это был сочный кадр!

Я, не сдержавшись, замахнулась на Дэна, и он тут же замолчал, соорудив смешную рожу. Эти ямочки на щеках явно дают +100 к его обаянию. Действительно, Клоун Клоунович.

— Ты же от Кларского без ума? Так. Поэтому-то мы с тобой — союзники. Тебе нужен он, мне — она. Ну что, будем действовать?

— Ну, не знаю, — отозвалась я, внимательно глядя на него. Денис с такой легкостью говорит о том, что девушка, которую он любит, встречается с другим, словно это ничего не значит для него. Мне, если честно, плохо, и настроение ниже плинтуса в подвале, и хочется в своей проблеме винить целый мир: начиная от ничего не сказавших мне подружек (а они явно что-то знают!) до Князевой, которая, кажется, загребла своими бледными загибающимися ручонками человека, нежно любимого мною с первого курса!

— Мария Бурундукова, я знаю, что поступаю нечестно и предосудительно. Но я привык, что с легкостью — или без нее — получаю то, что хочу. — Я впервые с момента нашего кратковременного, но насыщенного знакомства видела Дениса серьезным. — А я хочу получить Ольгу, даже если мне придется разлучить ее с любимым человеком. Типа, совершить гадкий поступок. Я не думаю, что она искренне любит его, но тем не менее. Маша. Я привык бороться. Поэтому сейчас я тебе в последний раз предлагаю стать моим союзником, потому что мы находимся в одинаковом положении. Я знаю свои достоинства и недостатки, поэтому говорю, что неплохо разбираюсь в девушках

и в романтике, но в том, как завоевать ту, которая меня не хочет, — разбираюсь не слишком. У меня еще не было таких ситуаций. Мне не понятна психология Ольги. Не могу осмыслить ее выбор. Почему именно он — скучный, обычный тип? Что в Никите Кларском вообще такого, чего нет у меня? Ты ведь тоже что-то в нем нашла, так? Поэтому я и надеюсь на твою помощь. Сам сделаю для тебя все, что смогу. Вдвоем нам будет куда легче, чем поодиночке, — на его живом лице лишь на мгновение мелькнула непонятная мне усталость. — Да или нет?

Ух какой у него был торжественный голос! Я чуть было не расхохоталась, несмотря на печальную ситуацию, но, едва взглянув в темно-синие немигающие глаза, теперь уже не слишком веселые, перехотела это делать.

— Какой серьезный, — я постучала солнечно-желтыми ногтями по колену, повертела головой, почесала шею и наконец ответила нехотя: — Ладно, Смерчинский, я с тобой.

В мгновение ока выражение его лица изменилось — стало радостным, как будто бы я согласилась подарить ему право первой ночи — не только со мной, но и с пятью сотнями прекраснейших женщин мира.

— Классно, Бурундук, мы сработаемся. Поверь, — заявил темноволосый. — Ну что ты на меня так уставилась? Я ведь тоже Бурундук, можешь, втайне от других, звать меня Дейлом.

— Я буду звать тебя Смердяком, — тут же пожалела я о своем согласии. — Слушай, а ты не пожалеешь о своем решении, о том, что захотел связаться со мной? Не слишком ли ты быстро выбрал стратегию? И... сотрудничество?

— Я всегда все делаю спонтанно, — он самоуверенно постучал себя кулаком по груди. — Мне же говорят, что я гений, так что не волнуйся. Ладно, с этого момента мы точно команда. Пара условий, идет?

— Каких условий?

— Мы никому не скажем, что будем работать на то, чтобы эти двое расстались.

— Понятное дело. Я-то, положим, промолчу, только вот мне кажется, что у тебя рот как помело.

Дэн нагло потрепал меня по волосам и ответил:

— Не рот, а язык. Так правильнее говорить. И мой язык абсолютно не похож на помело. Я буду держать рот на замке. Это вы, женщины, имеете язык без костей.

— Зато у тебя вместо мозга одна сплошная кость, лобная, вросшая, наверное, в полушария, — обиделась я тут же за себя и за всех женщин сразу.

— Ладно, все гендерные проблемы обсудим позже. Еще одно условие — доверять друг другу и во всем помогать.

— Да-да...

— И не отступать до конца.

— Угу.

Он благородный, что ли?

— Да, и если ты расскажешь кому-нибудь про Ольгу, то в этот же день весь наш университет будет в курсе твоих отношений с Кларским, в том числе и сам Никитка, — тут же сообщил мне милым тоном парень, махом опровергнув мою теорию о его благородности.

Я охотно поверила ему. У Смерча, как я уже не раз говорила, друзей, знакомых и просто сочувствующих выше крыши. Все его любят и уважают. Скоро культ личности в местном масштабе создадут. Если он что-то скажет всего лишь парочке человек из своей шайки-лейки, то об этом скоро будут знать все.